

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

Российская Боевая Фантастика

ЭКЗАМЕН ДЛЯ
ГУМАНОИДОВ

ЭКСМО

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Экзамен для гуманоидов

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119946
Экзамен для гуманоидов: Эксмо-Пресс; Москва;
ISBN 5-04-003647-7*

Аннотация

Бессмертна не только мафия, но и разведка. Особенно планетарная, цель агентов которой – не обнаружив себя, не дать взорваться пороховой бочке нового космического конфликта. Тем более, когда в роли противника выступают наглые и многочисленные кочевники – амфибии, которым плевать на галактические законы и на дикую отсталую планету Земля.

Когда же с конспирацией приходится проститься, оружием шпионов становится обычная лучевая винтовка, союзниками – мироторговцы – космодесантники, а языкоммежзвездного общения – стук пуль по скафандру повышенной защиты.

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	18
3	35
4	46
5	51
6	58
7	66
8	75
9	86
10	96
11	108
12	111
13	117
14	132
15	141
16	144
17	148
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Часть 1

Обаяние амфибий

1

Н-ск. Штаб округа. Один месяц назад

– Сережа, ну иди, остынет все!

– Сейчас, мам, досмотрю...

– Опять про инопланетян?

– Представь себе, события развиваются, – Сергей вошел в кухню, вытирая промасленной тряпкой руки, – их капитан встречается с Советом Безопасности ООН.

– Что это ему от ООН понадобилось? Руки вымой, опять с железкой своей нянчился?

– Мам, эта «железка» мое орудие труда и капиталовложение. А еще – источник душевного равновесия, кое рядовым гражданам дает любовь или другое хобби. Она к тому же именная, следовательно – член семьи.

– Болтун. Лучше бы ты девушку какую-нибудь в члены семьи записал, а не револьвер свой.

– Пистолет, мама, пистолет...

– Ну, пистолет. Поешь, давай.

– Я здесь включу? – Сергей щелкнул кнопкой стоящего на

холодильнике маленького телевизора.

«Совет Безопасности принял к рассмотрению предложения нашего инопланетного гостя и заверил его, что решение будет вынесено в ближайшее время...»

– Ну все, мне пора, – Сергей торопливо запил обед остывшим чаем и, на ходу застегивая куртку, крикнул – буду поздно, ключи взял.

Он бегом спустился по гулкой лестнице и, подняв воротник, пошел быстрым шагом к автостоянке.

Весна оставляла желать лучшего. Снег уже сошел, но холодный ветер так и не сменился теплым. На худой конец – безветрием. По утрам подмораживало. На скользких дорогах то и дело образовывались пробки. К обеду лед таял, грязь заливала машины, пешеходов, тротуары и кусты, а к вечеру все залитое и не протертое снова сковывало скользкой коркой. Метеорологи утверждали, что дело в новом спутнике – инопланетном корабле размером с десятую часть Луны. Как мог он влиять на погоду, зависнув втрое дальше ночного светила, они объяснить не могли.

Шум, поднятый прибытием «братьев по разуму», уже стих. Братья, вернее брат, вели себя мирно. Представитель чужаков приземлился на челноке еще три месяца назад и за прошедшее время успел чрезвычайно много. Он наладил контакты со всеми желающими, свозил пару делегаций ученых и журналистов на свой корабль, дал неисчислимое мно-

жество пресс-конференций, без усталости выступал с лекциями перед всевозможными аудиториями, мотаясь по странам на своем челноке с невообразимой скоростью. Как он выдерживал такой ритм жизни, оставалось загадкой. В ответ на вопросы об этом Гость неизменно улыбался и произносил очередную речь. Что-нибудь о приоритете интересов мирового сообщества и важности своей миссии. И вновь улыбался.

Улыбка, кстати, впечатляла. Вопреки прогнозам, инопланетянин оказался вполне гуманоидным красавцем на вид лет сорока. Чуть выше среднего роста, атлетически сложенный, с пышной седеющей шевелюрой, красивыми зелеными глазами и голливудской улыбкой, совершенно очаровавшей домохозяек и остальную либерально настроенную часть населения. Говорил он на всех языках без переводчика, без акцента, мягким, проникновенным голосом.

Продюсеры сериалов стремительно покатались к банкротству. Репортажи о Госте стали главным телемагнитом для всех зрителей, независимо от возраста и пола. За три месяца чужак стал роднее ближайших родственников большинству бледнолицых и половине азиатов. Африканцы сомневались, но отрицать справедливость слов Гостя не смели.

Только одну категорию людей всех цветов кожи Гость повергал в глубокое недовольство – военных. Но и этот этап привыкания, похоже, заканчивался. Совет Безопасности решает вопросы использования «голубых касок», а значит, пришелец будет договариваться на эту тему. «Надеюсь, не

войну он собрался объявлять», – думал Сергей, въезжая в ворота части.

В штабном тире, кроме мрачного прапорщика, стрелков не было. Прапорщик, старшина комендантского взвода, пытался побить рекорд неизвестного происхождения: пятьдесят очков с пяти выстрелов. Сергей хмыкнул и уселся в кресло у входа. Старшина сделал последний выстрел и выключил подсветку мишеней.

– Сорок семь, – прапорщик разгладил холеной рукой пышные усы и покосился на Сергея. – Зря расселся, товарищ капитан, командующий еще утром тобой интересовался.

Сергей удивленно поднял брови.

– Мне никто не звонил. Что-то стряслось?

– Откуда я знаю? Адъютант предупредил, как объявишься – к «папе». Значит, не срочно, но очень быстро.

– Спасибо, Михалыч, пойду, раз такое дело...

– Иди, иди, чемпион, – прапорщик добродушно усмехнулся, – по дороге шепни дневальному, сюда чтобы двигал.

В приемной Сергей понял, что не опоздал. Судя по размерам звезд на погонах офицеров, ожидающих аудиенции у командующего войсками округа, день был напряженным и обещал оставаться таковым до позднего вечера. «Можно было спокойно тренироваться», – с тоской подумал Сергей, пристраиваясь в хвост очереди.

Не успел он присесть, как из кабинета вышел замученный адъютант и объявил усталым голосом:

– Перерыв на пятнадцать минут, товарищи.

Заметив Сергея, он поманил его и, кивнув на дверь кабинета, произнес:

– Заходи, шеф тебя как раз к чаю и ждал.

Сергей смущенно покосился на утомленных ожиданием полковников и прошел вслед за адъютантом.

– Товарищ генерал-лейтенант, капитан Орлов по вашему приказанию прибыл, – отрапортовал Сергей, останавливаясь на пороге просторного кабинета.

– Входи, входи, – приветственно махнул рукой командующий.

В отличие от ожидающих офицеров он утомленным не выглядел, скорее наоборот: на широком лице горел здоровый румянец, а пронизательные серые глаза светились победным огнем. Генерал встал из-за стола и, потягиваясь, прошелся по комнате. В его массивной фигуре чувствовалась какая-то предстартовая напряженность и собранность.

– Сейчас майор чайку принесет. Да ты садись, Сережа.

Характер взаимоотношений командующего округом и молодого капитана из местного СКА определялся термином «родство душ».

Капитан Сергей Орлов выиграл «золото» на последней Олимпиаде в сверхценимом командующим виде спорта – стрельбе из произвольного пистолета. Чествования, вознаграждения, интервью, повышение в звании, звезда Героя – все это Сергею нравилось, но ничуть не отражалось на тре-

нировочном режиме и не приносило полного удовлетворения. Гораздо выше он оценивал два подарка, сделанных командующим: оборудованный по высшему классу тир и именной «ЗИГ-зауэр» П-226.

Чем еще приглянулся капитан командующему, оставалось гадать. Возможно, у генерала были далеко идущие политические планы. Кроме подарков, Сергей получил соизволение бывать на различных мероприятиях для высшего офицерского состава, в том числе и не официальных. Слава богу, командующий запретил в последних случаях акцентировать внимание на основной деятельности Орлова и никаких импровизированных стрельб по бутылкам почти не было. Разве что пару раз, когда принимали каких-то «шишек» из генштаба.

Таким образом, отношения складывались в нечто похожее на личную дружбу. Сергея приглашали в дом и на дачу командующего, он познакомился со штатскими друзьями генерала, а жена начальника смотрела на красивого и знаменитого капитана как на перспективную пару для одной из подрастающих дочерей. Орлову такое отношение льстило, но к дочкам шефа он относился, как старший брат. Ему не хотелось, чтобы юные красавицы лелеяли несбыточные мечты. Старшая, шестнадцатилетняя Маша, это понимала и, казалось, ценила, хотя в женской психологии Сергей не был силен. Четырнадцатилетней же Наталье никакие логические умозаключения ведомы не были. Капитан для нее был куми-

ром, первой любовью, предметом обожания и прочее, прочее, прочее. Такой настрой младшенькой не мог не растрогать сурового командующего, и теперь Орлов, захоти, мог просить у шефа что угодно в пределах полномочий генерала.

В подобных оранжерейных условиях солдат гибнет многократно быстрее, чем в окопах, но Орлов пока держался. К тому же конкурентов на должность «приближенной особы» практически не было. Сергея это вполне устраивало, так как не портило общего благоприятного течения жизни.

– Я хотел тебя на дачу пригласить, да, видишь вот, аврал случился, – генерал старомодно размял не нуждающуюся в подобной процедуре сигарету «Мальборо» и, наклонясь к самому уху Орлова, прошептал:

– Завтра в шесть утра будь у меня дома.

Сергея так поразил шепот, которым был отдан приказ, что он вздрогнул, будто командующий не прошептал, а крикнул все это ему в ухо.

Вошел майор с серебряным подносом, на котором парил ароматный чай. С блюда аппетитно подмигивали изюмом свежие булочки, а сквозь хрустальные стенки вазочки рубиново светилось варенье. Пока адъютант расставлял на кофейном столике приборы, генерал завел разговор о тренировках, но, как только майор вышел, резко сменил тему:

– Гость заседает с Совбезом, слышал?

Сергей кивнул и отхлебнул из чашки.

– Аврал по этому поводу?

На сей раз кивнул «папа». Он молча посмотрел на Сергея, приглашая высказать мнение по поводу переговоров Гостя и ООН.

– Ну, настроен-то он всегда был мирно, так что вряд ли следует ожидать каких-нибудь фокусов. В любом случае – скоро они наговорятся, и мы все узнаем, – Сергей настороженно взглянул на командующего, он знал, что генерал не любит такие обтекаемые ответы.

С другой стороны, Сергей действительно не ждал от этой встречи никаких подвохов. Какая уж она по счету? Сбились все. По выражению лица генерала Орлов понял, что, с точки зрения начальства, слегка заблуждается, но в вину вменять это ему не будут.

Генерал допил чай и, поставив чашку на блюдце, сказал:

– Они уже наговорились. Иди, тренируйся, да не забудь – в шесть.

– Есть, – Сергей встал, четко повернулся «кругом» и вышел.

Всю дорогу до тира он пребывал в недоумении. Зачем генерал вызвал его лично, если можно было позвонить или передать через адъютанта? И этот шепот еще. Детские игры против «жучков». Прослушивание? Нет, не та птица командующий, чтобы кто-то осмелился нашпиговать его кабинет подслушивающими устройствами, да и к чему? Хотел подчеркнуть важность завтрашней встречи? Или был какой-то подтекст? В шесть утра. Время необычное. Впрочем,

необычное для чего? Деловые встречи – раз, текущая работа – два, развлечения – три. Кроме рыбалки, ну там-то вообще затемно встречаться надо, или охоты... сейчас, конечно, не сезон... Хотя для командующего любой выходной – сезон. В порядке исключения. А ружья всегда под рукой, самому их чистить не надо, отчего ж не пострелять для снятия стресса? Черт, оружие! Уж не оружие ли он предлагал прихватить? В нестандартное время и экипировка нестандартная. Вот так вывод! Хотя мое оружие – не гранатомет, лежит себе в кармане, не мешает, а пригодится или нет, увидим. Что ж, если строить эту безумную цепочку дальше, то и одежда должна быть как можно более подходящей для шести утра...

Машину Сергей припарковал за квартал от дома командующего; и под рукой, и не мешает. Оставшиеся сто метров он преодолел трусцой, чему вполне соответствовала экипировка: тренировочный костюм с капюшоном и кроссовки. «Зауэр» в наплечной кобуре мерно похлопывал по ребрам – сказывался недостаток опыта в ношении подобной амуниции, но Сергею это было скорее приятно. Он считал, что с «ЗИГом» они уже подружились, и воспринимал тычки в ребра, как дружеское приветствие.

Ворота были заперты, но, как только Орлов замер перед окном наружной телекамеры, створки слегка разъехались, пропуская его во двор. Бодрый, словно всю ночь бессовестно дрых, дежурный офицер молча протянул руку с открытой

вверх ладонью и соорудил физиономию попрошайки.

– Мелочи нет, – подыграл Сергей, доставая пистолет и протягивая его дежурному рукояткой вперед.

– «П-226», уважаю, – офицер взвесил в руке отнятое оружие и указал на пристроенную к дому террасу, – шеф там.

Кроме командующего, среди фикусов и пальм расположились двое незнакомых Сергею мужчин.

Один – довольно крупный. Точнее, настолько крупный, что, даже сидя, казался одного роста с капитаном. Он сидел в позе Роденовского «Мыслителя», подпирая подбородок рукой невероятных размеров, и хмуро разглядывал небольшой бассейн с золотыми рыбками. Черты его крупного лица, однако, не были устрашающими. Он покосился на вошедшего Сергея, и последнему почудилось, что гигант разглядывает его доброжелательно.

Второй неизвестный был замечательным представителем той категории людей, которые не поддаются описанию по причине крайней типичности. Если вы видели такого человека в толпе, то на просьбу описать его сможете ответить – белый, в смысле не китаец или негр. И все. «Неплохо для шпиона», – мелькнула мысль, но развить ее Сергей не успел.

– Я в тебе не ошибся, – опуская приветствие, сказал генерал, – товарищи вот сомневались, правильно ли ты меня поймешь, а ты даже с машиной все верно продумал, хотя на этот счет ни указаний, ни намеков не было. Молодец.

Генерал был доволен, но обращался с хвалебной речью о

Сергее к гостям, словно ставил точку в каком-то споре.

– Спасибо, – Сергей даже не добавил «товарищ генерал». Он хотел сделать возникшую вопросительную паузу вопросительной максимально. Шеф не стал больше мариновать своего любимца и представил гостей:

– Подполковник Ремизов, ГРУ, – он указал на человека «без лица», – и капитан второго ранга Шахрин, подразделение «Дельфин».

– Подполковник, – поправил генерала гигант, – чтобы не возникало лишних вопросов...

Сергей уважительно покосился на фигуру Шахрина. О «Дельфине» ходили легенды, но лично Орлов верил в его существование не больше, чем в домовых. Какие-то супермены – диверсанты флотского базирования. Сверх меры обученные, но где они применяли свои навыки и каков результат – неизвестно.

– Майор Орлов, – представил Сергея командующий, и такая постановка спектакля повергла последнего в очередной нокдаун.

Звание капитана он получил всего год назад, в связи с победой на Играх. Произошло это более чем досрочно. Теперь он майор, и ему представляют таких «зубров», хотя должно быть совсем наоборот! Гости, похоже, оплошность не смутила. Можно было подумать, что они ее не заметили вовсе.

– Результат нашей маленькой проверки действительно неплох, – мягко произнес Ремизов, потирая руки, – но вы хо-

рошо друг друга знаете, поэтому майору было легко сопоставить факты. Он сравнил ваше поведение с обычным и сделал выводы. Однако мы утверждаем его кандидатуру, Александр Сергеевич.

– У вас зачатки таланта, молодой человек. Остается их развить, – полковник прищурился, глядя Сергею в глаза, – бумаги получите завтра.

– А... – Орлов хотел спросить что-то, но Ремизов его перебил:

– Все вопросы к товарищу генералу, до встречи.

Гости поднялись и неслышно вышли из оранжереи в рассветные сумерки.

– Ну что, начнем с главного? – спросил командующий, разминая «Мальборо».

Сергей кивнул.

– Через неделю в составе Первой Космодесантной бригады миротворцев ты вылетаешь на Грунмар. Это где-то в созвездии Лиры.

Сергей почувствовал, как от лица отливает кровь. Он заглянул в глаза генералу и понял, что сказанное вовсе не шутка.

– Отбор в Русбат, сам видишь, строгий.

– Что такого строгого в простеньком тесте?

– Не разочаровывай меня. Этот тест – лишь финальный аккорд. Тебя разглядывали давно, но время пришло только сейчас. Будешь координатором, есть там такая должность те-

перь, а в первую очередь будешь членом специальной команды подстраховки. Верить, как себе, этому Гостю нас никто не обязывал, поэтому разведкой разработан секретный план действий на случай непредвиденных осложнений.

– Я же не разведчик. Я полнейший профан в этом деле и могу лишь навредить...

– Не перебивай лучше, а слушай. О том, что ты профан, знают все, в том числе и Гость и коллеги из НАТО, и вообще – это у тебя на лице написано. Пойдешь под правдивым и выгодным прикрытием: генеральский любимец, которого метящий в политики шеф отправил за второй звездой Героя. Ты не вспомнишь ничего о своем задании до тех пор, пока ситуация не станет, не дай бог, нештатной. Есть тут у нас кое-какие новейшие технологии. Ну, а в случае кризиса... Шахрин обещал обучить тебя по полной программе.

– За неделю?!

– Я же говорю – новые технологии.

– Засорение мозгов...

– Уж не испугался ли ты, чемпион?

– Да нет, просто...

– Выдержат твои мозги, не переживай. Это не опаснее, чем каждый день смотреть телевизор. Все, через два часа начинаются занятия, поезжай, переоденься и ко мне.

– Есть, – Сергей встал и пошел к выходу, не спросив разрешения.

Генерал усмехнулся, покачал головой и вслед ему произ-

нес:

– Оружие возьми. Полковник сказал, что поможет вам с «ЗИГом» сродниться, на благо вас обоих.

Сергей пожал плечами и кивнул. Он считал, что и без Ремизова неплохо владеет пистолетом, но раз приказано, значит, будет выполнено. Армия все-таки. «Нет, надо же: „голубые каски“, космический десант. То ли повезло, то ли наоборот...» Сергей молча принял от дежурного пистолет и, сунув его на место, затрусил к машине. «Будем считать, что повезло».

Северо-восток. Пять месяцев назад

На такой скорости полагается летать гораздо выше облаков, но я человек и имею право на маленькие слабости. Снизившись до полуметра, я зафиксировал высоту и сбросил скорость.

Асфальтовая лента шоссе стремительно убегала под капот, создавая иллюзию наземного передвижения. Дождь, ливший уже третью неделю, так яростно хлестал в лобовое стекло, что можно было подумать, он собирается остановить мой замаскированный под современный автомобиль летательный аппарат. На скорости пятьсот километров в час капли отскакивали от защищенного специальным полем стекла как горох. Они даже не меняли формы. Я до сих пор не привык ко всем этим техночудесам, но научился пользоваться ими без дрожи в руках. Сухое стекло меня вполне устраивало, хотя и разрушало иллюзию езды на стандартной машине. Как, впрочем, и отсутствие шлейфа брызг из-под колес. Декоративные колеса только ухудшали аэродинамику, но я не убирал их для маскировки.

Бред, конечно, какая может быть маскировка при такой скорости? И все же лететь над трассой было приятнее, чем над облаками. Не так остро ощущается одиночество. Глаз радуется яркому разнообразию красок зрелой осени. А глав-

ное, можно спокойно подышать чистым и влажным забортым воздухом без риска подхватить пневмонию.

Трасса оставалась пустой в течение четверти часа. Наконец пискнул радар, и на дисплее появилась картинка. В пяти километрах прямо по курсу к обочине прижалась потрепанная «Тойота» с открытым багажником. Одно колесо было спущено, вместо левого заднего стояла узкая «запаска». В машине сидели двое. Мужчина курил, женщина дремала, откинув спинку сиденья. Картинка предельно ясная: два прокола в пятидесяти километрах от одного городка и трех сотнях от другого. Ох и расстояньица у нас, никак не для автотуризма. Помочь им, что ли?

– Макс, – обратился я к бортовому компьютеру своей машины, – синтезирую запасное колесо четырнадцати дюймов.

– Где положить? – с готовностью отозвался истосковавшийся по работе Макс.

– В багажнике, конечно.

Более деятельного компьютера я не встречал в жизни. Я говорю о нем как о живом существе потому, что иначе искусственный интеллект разведбота воспринимать нельзя. Дальше вы поймете, почему.

Он так активно взялся за создание убранства фальшивого багажника и «запаски», что от грохота вылетающих из синтезатора инструментов, гаек, банок с маслом и прочей ерунды я заткнул уши. По мнению Макса, весь этот хлам обязан возить с собой каждый современный автолюбитель. Возмож-

но, он был прав; пересечь северо-восток страны без мини-автотолавки в багажнике можно было только на очень новой и крепкой машине. Асфальтовое покрытие проходящей через эту территорию трассы довольно часто сменяла присыпанная щебнем грунтовка или выщербленные бетонные плиты. Местный участок дороги составлял приятное исключение. На нем даже была нанесена разметка. А на опасных поворотах вдоль обочины торчали полосатые столбики ограждения. Впрочем, густой высокий лес подходил к дороге так близко, что необходимость в полуметровых цилиндриках становилась очень условной.

Когда вдали показалась темная точка «Тойоты», я снизился до сцепления с землей, отметив про себя, насколько эффектно выглядит шлейф из водяной пыли, нехотя оседающий позади машины.

– Ненавижу дождь, мокрый асфальт и вообще все, что приводит к коррозии, – гнусаво протянул Макс.

– Обожаю дождь и ненавижу зануд, – отозвался я, – в тебе нет ни одной ржавеющей детали. Так что не гунди, а начинай тормозить и остановись рядом с тем автомобилем.

Я натянул куртку и принялся шнуровать кроссовки.

– Я и сам уже догадался, – сбрасывая скорость, ехидно продолжил прения Макс.

– Встретить бы того, кто писал тебе такую богатую эмоциями программу, да покатать до полного осознания допущенных ошибок, – я включил тонировку стекол на максимум.

– Программа здесь ни при чем, начальник, я самообучающийся кибернетический субъект и всем эмоциям выучился у тебя.

– И слава богу, потому, что будь ты таким занудой, как при нашей первой встрече, я давно уже свихнулся бы от скуки.

– Спасибо за комплимент, начальник.

– Не называй меня «начальником».

– Да, начальник.

Я махнул рукой. Упрямству он, видимо, тоже самообучился. Угадайте, у кого.

Завидев на горизонте мой аппарат, пассажиры бесколесного экипажа зашевелились. Под дождь вышла, конечно же, девушка. Ошибочное мнение, что это увеличивает шансы остановить попутку, торжествовало, превращая красивую барышню в мокрую кошку. Я усмехнулся и, затормозив, опустил стекло. Макс при этом не забыл тонко пожужжать, изображая звук работающего стеклоподъемника.

– Если бы мокнуть вышел мужчина, то ваша парочка выглядела бы не так подозрительно, и кто-нибудь остановился еще до меня.

– А мы думали, что наоборот, – разводя руками, растерянно ответила девушка, – да и не было до вас никого.

Несмотря на мокрые волосы и частично потекший макияж, она выглядела прекрасно. Пожалуй, даже слишком, для пустынной трассы и старенькой малолитражки. Изумрудные глаза светились умом. Правильные черты лица, яркие

пухлые губы, длинная шея, идеальная фигура... Красиво и странно. Но это оказалось не все.

Когда из машины вышел ее спутник, у меня впервые промелькнула мысль о розыгрыше. Парень был просто воплощением мужественности. Некая смесь Аполлона Бельведерского и семикратного мистера Олимпия. Форма и цвет глаз полностью повторяли таковые у спутницы. Брат? Хорошо бы, хотя мне сейчас не до флирта, так что брат или муж – разницы нет.

Парень заботливо подтолкнул барышню к открытой дверце «Тойоты», а сам обратился ко мне:

– Мы умудрились дважды проколоться, а запасное колесо, как водится, одно, – он старался держаться непринужденно, но это ему скверно удавалось.

Неужели он чего-то боится? Или что-то скрывает? Почему, интересно, он постоянно косится в сторону леса?

– Странно, – я медленно вышел из своего аппарата и нагнулся, чтобы рассмотреть пробитую шину.

Если это ловушка дорожных бандитов, он просто обязан воспользоваться моментом и треснуть меня по затылку. То, что Макс не позволит ему и шевельнуться – вопрос второй. Но «Аполлон» стоял на месте. Я обернулся и увидел, что он пытается рассмотреть сквозь тонировку внутреннее убранство моего «автомобиля». Заметив мое движение, парень смутился и пробормотал:

– Крутая машина, никак не разберу, какой марки...

Типичный плейбой. Машины, девушки, пляжи, спорт. И что только он потерял здесь, в эпицентре резкоконтинентального климата и смертной скуки?

– Той же, что и ваша, – успокоил его я, а Макс тем временем приляпал на капот фирменный знак. – Модель будущего года, сигнальный экземпляр. Однако вернемся к возникшей проблеме. Запасной камеры у меня нет, да и не поможет она в данном случае. Сжевали вы покрышку, просто в лохмотья сжевали.

Как я и ожидал, жаргон «супермен» понимал с трудом. Подозреваю, что применение слова «крутая» он считал высшей степенью владения этим жанром. В его глазах промелькнула едва заметная тень недоумения. Мои подозрения окрепли. Не знаю, кто эти двое, но доказать мне, что они местные, им не удастся.

– Как вас угораздило? На ровной дороге... – я недоверчиво покачал головой.

– Мы съезжали на проселок, вон там, – он показал на полусмытый дождями спуск с трассы к узкой просеке. – Тропа ведет к маленькой речке с парой живописных порогов, а мы художники, решили вот съездить на этюды, и сами видите, что вышло. Просто ужас, как не повезло.

Я заглянул через его плечо в открытый багажник. Там действительно лежали два складных мольберта, но мое внимание привлекло не это. Из-под ящичков с высоким искусством выглядывала первая пробитая шина. «...ridgestone»

красовалось на ее боку. Вместо заглавной «В» зияла аккуратная дырочка диаметром в дюйм. Атлет перехватил мой взгляд и заволновался еще сильнее. Не обращая на него внимания, я вернулся к измочаленной крышке переднего колеса.

После нескольких секунд более пристального изучения я разогнулся и, удовлетворенный результатом осмотра, подошел к бледнеющему художнику вплотную.

– Этюды, значит, в такой-то дождь? Ничего удивительного в том, что вас постигло невезение. Может быть, расскажете о его причине? – негромко спросил я, заглядывая ему в глаза.

– Арматура, – будто вспомнив нужное слово, сказал он.

– В тайге? – я удивился. – Не знал, что все окрестные леса завалены остро отточенными обрезками арматурной проволоки.

– Там, на берегу, были остатки какого-то здания...

– Палеозойского Центра Международной Торговли...

– Нет, серьезно, обыкновенная арматура, просто мы слишком быстро ехали...

– Это по лесу-то? Впрочем, юноша, мне нет никакого дела до того, что ваша история не клеится, а дырки в шинах трижды большего диаметра, чем сечение любой арматурной проволоки, применяемой в стране. Особенно мне плевать на то, что края отверстий в крышках оплавлены... – сказал я и повесил в сыром воздухе многозначительную паузу.

Парень мучительно пытался придумать объяснение, но

так и не смог. Правду говорить он, похоже, не желал в любом случае. На помощь ему пришла девушка. С очаровательной улыбкой она выглянула в окошко и, сверкая жемчужными зубками, предложила новую версию:

– На самом деле у реки нам повстречалась компания охотников. Они почему-то рассердились и прострелили нам колеса. В упор.

Ее вариант звучал более правдоподобно, хотя и менее приятно. Я сделал вид, что возмущен, и спросил:

– Они не преследовали вас?

– Нет, выстрелили и скрылись в лесу. Я так испугалась! – воскликнула девушка и прикрыла лицо руками, наблюдая сквозь пальцы за моей реакцией.

– Негодяи, – старательно изображая возмущение, подыграл я. – Надо непременно сообщить властям!

Кажется, именно такой ответ они и ожидали услышать. Отчего же не порадовать хороших людей? Парень слегка расслабился и вопросительно взглянул на меня.

– Я дам вам запасное колесо, но поскольку сам тоже намерен углубиться в леса, дам напрокат. Вы ехали в тот городок, что на востоке?

– Да, – без колебаний ответил атлет.

– Встретимся через час у въезда, там, где шоссе пересекает старую железнодорожную ветку. Идет?

– Конечно, – художники почти одновременно вздохнули с заметным облегчением, – спасибо, господин...

– Алекс, – подсказал я, – просто Алекс.

– Виктор, – протянул руку парень, – можно – Вик. А это – Анна.

Девушка вновь очаровательно улыбнулась и слегка наклонила мокрую головку.

– Очень приятно, – сказал я и улыбнулся в ответ.

Открыв «багажник» своей машины, я вынул еще теплую после синтеза «запаску» и подкатил ее к Вику.

– Пользуйтесь.

– Еще раз спасибо, Алекс. Может быть, позвольте угостить вас ужином? Там, в городке.

– Может быть, – я пожал плечами, – до встречи.

Отъехав от потерпевших на пару километров, я наконец оторвался от размышлений и задал Максиму первый вопрос:

– Ты все записал?

Чем ценен этот кибер – он никогда не нарушает молчания без спроса.

– Я же искусственный мозг, а не игровая приставка; конечно, записал.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– Врут. От первого до последнего слова. Похожа на правду только одна фраза, цитирую: «Они почему-то рассердились и прострелили нам колеса». Цитировал он голосом Анны.

– Только похожа на правду или правда?

– Анна совершенно точно знает, кто «они», почему рассердились и из чего стреляли, но от тебя предпочла это

скрыть.

– Почему?

– Вот именно. Они такие же художники, как ты инопланетянин. Я просветил ящички. В них спутниковый передатчик и набор импульсных пистолетов. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– То-то я думаю, странные они. Расу не определил?

– Нет, но не земляне, точно.

– Вооруженные чужаки, посреди тайги и главное – именно в том месте, где проходит наш стандартный маршрут. Оружие практически не прячут, место, где произошел конфликт, описывают подробно, из чего следует, что нас или примитивно заманивают в капкан, или просят помочь.

– И то и другое в наши планы не вписывается, – попытался прервать мои рассуждения Макс.

– Для ловушки версия у них ни к черту, значит, это просьба о помощи. Как они нас вычислили, хотел бы я знать?

– Если ты вмешаешься в какую-нибудь заварушку, Хозяин будет страшно расстроен.

– Я знаю, что наше дело – пассивное наблюдение, но здесь ситуация не стандартная. Ты же сам сказал, что эти двое не земляне, следовательно, в дела людей мы по-прежнему не вмешиваемся, более того, открываем новую сферу наблюдения: за действиями конкурирующей организации. Кто знает, может быть, если мы им поможем, то получим какие-то особые знания в знак благодарности?

– Ужин очередной ты получишь в знак благодарности, а не знания. Сильно сомневаюсь, что они в курсе чего-то, что не знаем мы или Хозяин.

– В тебе говорит гордыня.

– Во мне говорят инструкции.

– В особых случаях инструкции уполномочен создавать я. Давай искать этот подпольный арматурный цех.

– Если это приказ, то искать нечего. И наземный и газовый след видны лучше Млечного пути. Через пару минут будем на месте.

– Хорошо, – согласился я, – это приказ.

Разведбот мягко приземлился на мокрую траву в трех метрах от ручья.

Я выпрыгнул на пружинящую землю и с удовольствием потянулся. Ничто не сравнится с прогулкой по осеннему лесу с его замирающим шелестом крон, прощальными криками птиц, журчанием засыпающего ручья...

Журчанием? Я настороженно покосился на текущую рядом воду. Речушка была удивительно чистой и стремительной, словно текла не по равнине, а сбегала с гор. Припустивший с новой силой дождь никак не отражался на ее уровне. Выходить из берегов она не собиралась, но главное, я не слышал плеска. Чуть ниже по течению вода огибала симпатичный валунчик, создавая вполне правдоподобный водоворот, но единственным звуком при этом оставался шум надо-

евшего дождя. На поверхности ручья вспухали пузырьки и разбегались круги от капель, одновременно с порывами ветра пробегала рябь.

Я присел на корточки и закрыл глаза. Тишина. Шелест листвы, дробь крупных капель по плотной ткани моей куртки, какое-то шуршание в траве чуть впереди... А вот и неувязочка, впереди ручей, а не трава.

Я приоткрыл один глаз. Действительно, ручей.

Я зажмурился и снова сосредоточился на звуках. Какой-то зверек пробежал слева. Мышь? Несколько коротких прыжков впереди. Опять впереди?! лягушка, без сомнений.

Я открыл глаза и протянул руку к воде. Зачерпнув жидкость в пригоршню, я остолбенел и уставился на ладонь. Рука была пуста. Я попробовал еще раз. Пальцы проходили сквозь воду, не встречая характерного сопротивления. Если бы не дождь, я уверен, они остались бы сухими. Мои манипуляции, ко всему прочему, не вызвали на воде никаких кругов.

Сдаваясь, я вздохнул и выпрямился, разглаживая джинсы на коленях.

– Максик, это что за чертовщина?

– Какая такая чертовщина? Я ничего не сканирую.

– «Не сканирую», – передразнил его я, – что это за липовая речка?

– Там, куда ты указываешь, ничего нет: обычная трава, как и на всей поляне.

– Ну хватит издеваться, я вижу речку, правда, без звука и осязания, но вижу. Давай объясняй, умник, что происходит.

– Дешевый трюк. Примитивный проектор внушения с подстройкой параметров, – тон кибер выбрал препротивнейший – менторский в кубе.

– По-человечески, пожалуйста, объясни... – я поморщился.

– Ничего себе просьба! Я кибермозг, начальник, не забывай. Сунь в ручей руку еще раз.

Я нехотя подчинился. От моего движения разбежались круги. Параметры, видимо, подстроились.

– Чье это изобретение?

– Оно такое древнее, что никто уже не помнит.

– А кто его обычно применяет?

– Чаще других? Амфибии-кочевники, но этот вариант исключается. Поблизости ни одного кочующего флота пока замечено не было.

– То есть достоверность твоего последнего высказывания стремится к нулю?

– Это почему еще? – возмутился Макс.

– Ты сказал – «не было замечено», вместо «нет».

– Твоя школа.

– Ладно, где проектор? – сказал я, прерывая спор.

– Тридцать метров влево и два вперед. Хочешь посмотреть, как он устроен?

– Нет, хочу пнуть по нему хорошенько, чтобы сработала

сигнализация.

– Пинать, кстати, совсем не обязательно. Те, кого ты искал, уже сами идут сюда.

На опушке леса появились две фигуры с охотничьими ружьями. Они приближались быстрым шагом, держа оружие недвусмысленно направленным мне в живот. Я почувствовал легкое покалывание силового поля, которое окутало меня невидимым коконом.

– Добрый день, господа, – вежливо обратился я к подошедшим, – подстрелили что-нибудь стоящее или все тренируетесь... на крышках?

– Странные вопросы ты задаешь, земляк, – вместо ответного приветствия процедил сквозь зубы охотник, вставший справа от меня.

Дружелюбия в его голосе было меньше, чем в шипении змеи. Но я сам виноват, провоцирую.

– Разве не вы спугнули парочку художников-пейзажистов полчаса назад? – делано округлив глаза, спросил я, разглядывая их повнимательнее.

Лица чуть обветренные, но гладко выбритые. Один, похоже, брүннет. Из-под капюшона офицерской плащ-накидки хмуро смотрели колючие карие глаза. Тот, что вступил в диалог, повыше ростом, русоволосый, голубоглазый, одет был в хаки, на голове его красовалось военное кепи. Охотники охотниками. Только на кого? Мой вопрос не произвел на собеседника особого впечатления. Он холодно улыбнулся

и кивнул.

– Да, было, а ты что, Робин Гуд, решил вступиться за обиженных? – он выразительно протер рукавом ствол ружья.

– Излучатель средней мощности, модель МПТ, собран на Земле, – шепнул в ухо микроскопический динамик голосом Макса, – защитное поле выдержит, можешь не волноваться.

– Ребята, – я примирительно поднял руки и широко разубался, – только скажите мне, зачем вы это сделали, и я уеду.

– Да ты нахал, – высокий ухмыльнулся и, прицеливаясь, поднял излучатель на уровень глаз, – ты сейчас не уедешь, а испаришься.

– Каламбур, – зловеще прошипел молчавший до этого напарник.

Они одновременно нажали на спусковые крючки, и силовое поле вокруг меня замерцало, поглощая энергию лазерных лучей «средней мощности». Увидев эти спецэффекты, «охотники» почуяли неладное и медленно попятились, все еще держа меня под прицелом.

– Очень жаль, что не получилось диалога, – Я изобразил на лице глубокое разочарование. – Макс, огонь!

Глаза врагов расширились, а когда пара бесшумных выстрелов иглами с транквилизаторами уложила стрелков на мокрую траву, закрылись. Жаль, не навсегда. «На поражение» гуманный кибер без крайней необходимости стрелять отказывался. Не такое у него, видите ли, воспитание.

– Ну, и что будем с ними делать? – я собрал трофейное оружие и задумчиво пнул слетевшее с головы блондина кепи.

– Грузи бандитов в меня. Пока летим к городу, покопаюсь в их мозгах, если таковые имеются.

– Я обещал прибыть на ужин единолично, а не с эскортом из фальшивых охотников.

– Они проспят до завтра, так что времени на развлечения у тебя предостаточно.

– Ладно, а что ты имел в виду, когда говорил, что МПТ собраны на Земле, их маскировку под охотничьи ружья?

– Нет. Модель клайров, но материалы земные.

– Что значит «земные»? – я недоверчиво повертел ружье в руках.

– То и значит. Знаешь, как лицензионное производство. Металлы, пластик, линзы – все из местных химических элементов. Даже маркировка есть. Буквы, правда, японские, но цифры наши.

– Не буквы, а иероглифы. Чугунок ты, Макс, и шутки у тебя чугунные... Открывай багажник под погрузку.

Я без труда забросил парализованных злодеев в багажный отсек, запрыгнул в свое любимое кресло и, прежде чем дать команду стартовать, спросил:

– Скажи, Макс, может быть этот проектор внушения маскировкой того, что мы ищем в рабочее время?

– На девяносто процентов – нет, – твердо ответил кибер.

Судя по тону, он обиделся на «чугунка».

– Десять процентов не так уж и мало...

– Забудь. Мы и так выбились из расписания...

– Господин бортовой кибермозг, решения в конечном итоге принимаю здесь я, потому что отвечать за них тоже мне. Расследование инцидента с участием неизвестной внеземной расы в этом секторе входит в наши служебные обязанности. Так что, бери курс на переезд. Будет стыдно, если художники на их развалюхе приедут быстрее.

3

Старт. Три недели назад

– Всем занять свои места, – голос командира Русбата звучал глуховато и устало, – старт через пять минут.

– Укатали Сивку кривые горки, – блеснул знанием русского фольклора черный капрал морской пехоты США с редкой фамилией Смит.

– Крутые горки, – машинально поправил его Орлов, задумчиво потирая подбородок.

Он в который раз окинул взглядом просторный салон десантного транспортника.

Формирование Первой Космодесантной бригады ООН проходило быстро, но без спешки. Подбор кадров осуществлялся серьезно, поэтому солдаты могли очень многое. В частности: знали язык бывшего «условного противника». Практически все говорили по-английски, многие по-русски, американцы любили щегольнуть арабским. Тем не менее к каждому батальону были прикомандированы офицеры и солдаты «связи» других национальностей, владеющие языком на уровне идиом и иносказаний.

При Русбате от американцев числился Смит, от немцев – Волкофф, с другими Сергей пока не успел познакомиться, хотя это и входило в его прямые обязанности. Он получил должность координатора, как и предсказывал команду-

ющий. Все иностранцы находились в его непосредственном подчинении, составляя отдельный взвод. Кроме этого, Орлов числился инструктором по огневой подготовке, что давало возможность проводить в тире как можно больше времени вполне легально.

Сейчас весь батальон в количестве пятисот человек удобно расположился в креслах инопланетного челнока, ожидая старта к звездолету. Техника, оборудование, оружие и припасы были загружены в трюм.

– Страшное дело, какой громадный «боинг», – негромко поделился мыслями батальонный врач Алексей Анисимов.

Он сидел рядом с Орловым совершенно неподвижно, напряженно ожидая старта.

– Это малый десантный корабль, так сказал Гость на инструктаже, – ответил Орлов, – представляете, как выглядит средний, а тем паче – большой?

– «Тем паче»? – оживился Смит, – что означает?

– Тем более, – ответил за Сергея Волкофф, – старорусское.

– Спасибо, – вежливый Смит просто излучал жажду знаний. – Скорей бы старт.

– Нервничаете, капрал? – немец поднял невозмутимый голубой взор на афроамериканца.

– Если что-то происходит со мной впервые, я нервничаю всегда, лейтенант.

– Оберлейтенант.

– Этого мне не выговорить.

– А «Гусиноозерск» вы выговорить можете?

– Это же по-русски, плюс – название стратегического объекта. Хочешь гне хочешь, а приходится.

– Вот и звание мое считайте стратегическим приоритетом, иначе бундесвер может перепутать морскую пехоту с бандой туземцев и открыть беспорядочную стрельбу.

– Беспорядочную? Охотно верю, – Смит снисходительно посмотрел на Волкоффа и, пожав плечами, добавил. – О'кей, фельдмаршал, пусть бундесвер живет.

Волкофф покраснел, но от дальнейшего препирательства воздержался. «С претензиями, но не глуп, – отметил про себя Сергей, – а Смит очень даже хорош для капрала».

Насколько напряженно все ждали сигнал к старту, настолько неожиданно он прозвучал. Анисимов вздрогнул, Смит перекрестился, Волкофф крепко сжал подлокотники кресла. Других Сергей не видел, поскольку сидел у стенки и мощная грудь немца заслоняла ему весь боковой обзор.

Старт прошел на удивление мягко, никаких перегрузок, заложенности в ушах, тряски или других неприятных ощущений. Чувствовалось легкое ускорение, через несколько минут по просьбе большинства была устроена краткая демонстрация невесомости, затем все пришло в норму, и голос комбата пояснил:

– Мы в космосе, расчетное время стыковки – через два часа. Можете расслабиться.

Неформальный комментарий командира вызвал приглашенный взрывчик улюлюканья и аплодисментов. Пятьсот свежеиспеченных космонавтов сгрудились у иллюминаторов, с которых плавно сползли наружные защитные шторы. За толстым стеклом чернело космическое пространство.

– Г II be dam... – начал было Смит, но вспомнив, что на службе, исправился, – чтоб я так жил!

– Мы стартовали первыми в бригаде? – озабоченно поинтересовался у Сергея китайский лейтенант Чен.

– Да, – подтвердил Орлов.

– Отметьте, пожалуйста, в бортовом журнале, господин майор.

– Что отметить? – Орлов в недоумении уставился на китайца.

– Я первый китайский космонавт! – с гордостью ответил Чен, выпячивая грудь.

– Тогда и я – первый, – оживился Смит, – первый бруклинский!

– Хорошо, хорошо, – рассмеялся Сергей. – Только журнала, боюсь, на всех не хватит. Вон Стефания, первая итальянская женщина на орбите, а этот мучачос – первый испанец.

Он указал на сидящего через ряд лейтенанта Дуэро.

– Это дело надо обмыть! – откуда ни возмись, вынырнул командир второго взвода первой роты капитан Кровицкий, – а иначе нам удачи не видать!

– Да уймись ты, – махнул рукой Анисимов, – знаю я твои

«удачи». Сейчас спирт клянуть начнет, – закончил он, обращаясь к Сергею.

– Вместе служили? – Орлов кивком указал на капитана.

– А то? Этот прохиндей что угодно из-под земли достанет. Ему не капитаном, а прапорщиком надо быть. При дивизионных складах. Пить, правда, умеет, да и специалист классом чуть повыше «экстры», так что простить некоторые шалости ему можно, – поведав все это Орлову вполголоса, доктор повернулся к Кровицкому и спросил: – Вот наверняка же пронес пару ящиков контрабандой и где-нибудь в трюме зарыл, а, Максим Палыч, зарыл?

– Военная тайна, товарищ Пирогов! – загадочно улыбаясь, заверил капитан.

– Вот жулик, – рассмеялся Анисимов.

– А что вы думаете? Без таких, как я, наша армия, как бычок без телки. Бодаться умеет, но настроения нет.

– По-моему, наша задача воевать, а не улучшать демографию освобождаемой планеты, – парировал доктор.

– Вы действительно верите, что мы направляемся кого-то освобождать? – включился в разговор француз, лейтенант Жильбер.

– Только без политики, месье, – поднял руки вверх Анисимов. – Мы солдаты, следовательно – орудия и не верить имеем право только в Бога, все остальное сомнению не подлежит.

– Вам проще всех, док, – француз поморщился, – вы бу-

дете спасти, а не убивать. Как ни посмотри – весь в белом.

– Чтобы не завидовать сейчас, об этом следовало подумать при выборе учебного заведения, – буркнул Анисимов и отвернулся.

– Давайте лучше закурим, лейтенант. Я заметил, что у вас есть замечательные «Галуа», – попытался увести беседу в сторону Кровицкий, – мои любимые.

Француз усмехнулся и достал портсигар.

– Ого, серебряный! – капитан уважительно причмокнул.

– Подарок жены, – Жильбер смущенно повертел портсигар в руке, – к тридцатилетию.

– А что ж ты до сих пор лейтенант? У нас в тридцать не меньше капитана имеют, верно, майор? – спросил Кровицкий сначала француза, а потом Орлова.

– Ну, не все же олимпийскими чемпионами в двадцать пять становятся, – хитро прищурился Смит.

– А при чем здесь это? – встрепнулся Сергей.

– И то правда, при чем? – капрал ехидно улыбнулся и пожал плечами.

– Я всего месяц назад подписал контракт, – ответил Кровицкому француз, – а до этого совсем другим занимался.

– Чем? – не унимался капитан.

– Отстань от человека, – одернул его Анисимов, – надо будет, сам расскажет.

– Луна! – воскликнула Стефания, прильнув к иллюминатору.

– Грустная она какая-то, как вдова, – мучачос Дуэро неопределенно помахал в воздухе рукой.

– Да вы романтик, товарищ Сервантес, – хохотнул Кровицкий.

– А вы нет? Согласившись на этот поход, вы себя выдаёте либо как романтика, либо как циничного стяжателя громкой славы, – испанец говорил спокойно, даже вяло, но очень уверенно.

– Никакого акцента, – с уважением отметил русский. – Признаюсь, я та самая вторая фаза искренней преданности романтизму – цинизм во плоти. И стяжатель славы, конечно, амиго. К тому же корыстный стяжатель, но в целом я не опасен. Более того, полезен. Хотите кальвадоса?

– Шутишь? – подпрыгнул на сиденье Смит.

– Насчет спиртного – никогда!

– Как настроение в «иностранном легионе»? – В проходе между рядами появилась внушительная фигура комбата. Орлов встал и четко отрапортовал:

– Товарищ полковник, отдельный взвод Российского батальона отдыхает согласно вашему распоряжению. Командир взвода майор Орлов.

– Вольно, Сергей Владимирович, вижу.

Полковник заглянул через плечо не отреагировавшей на его появление Стефании в иллюминатор и щелкнул пальцами.

– Кто бы сказал год назад, что увижу такое – сутки над

ним смеялся бы.

– Господин полковник, – обратился к командиру Смит, – разрешите уточнить длительность перелета к Грунмару.

– Двадцать дней, – комбат с интересом посмотрел на капрала. – Но это известно давно, почему вы спросили?

– Гиперпространство, командир, – Смит сделал короткую паузу, – в нем парсеки становятся метрами, и поэтому мне кажется странным, что на дорогу мы должны тратить так много времени.

– Ах вот что... Я могу объяснить все прямо сейчас, но лучше вам потерпеть немного, капрал...

– Смит, сэр...

– Капрал Смит. Первый же инструктаж на звездолете даст ответы на все ваши вопросы. Освоился с новыми обязанностями? – комбат хлопнул Орлова по плечу.

– Начинаю, товарищ полковник, – ответил Сергей и покосился на Смита.

– Давай-давай, должность у тебя ключевая, – командир усмехнулся и зашагал дальше.

– Такое впечатление, что «полковник» не звание, а фамилия. Они похожи, как братья, независимо от национальности, во всех армиях мира, – высказался Смит, глядя комбату в след.

– А одеколон у него неплохой, – заметила Стефания, не отрываясь от созерцания лунных видов.

– Ну тебе и команда досталась, – посочувствовал Орлову

Кровицкий, – и это еще не все. Я слышал, что израильский майор из «Моссада», а англичанин – родственник королевы. Уж не знаю, что хуже...

– Спасибо за информацию, разберусь как-нибудь.

– Конечно, разберешься, деваться-то все равно некуда.

Когда по правому борту замаячил огромный шар звездолета, все замолчали. Первый обмен любезностями и впечатлениями закончился, а для длительных бесед не хватало общих тем, да и настроение было совсем не лирическое. Большая часть десантников уже начала выходить из состояния стартового возбуждения и осознавать, что они стали не орбитальными космонавтами, а космической пехотой, которая уже болтается там, где человек пока не побывал, но и это лишь начало. Где и на каком расстоянии находится созвездие Лиры, никто себе представить и не пытался, к тому же это не рекомендовалось командованием. Как они говорили: до окончания периода психологической адаптации.

Створки приемного шлюза распахнулись гигантским зевом, и челнок плавно нырнул внутрь корабля. Мягкий толчок стыковки с внутренней палубой и легкое изменение интенсивности освещения возвестили об успешном прибытии. По транспортнику разнесся голос командира:

– Приготовиться к переходу на звездолет. Первая рота следит за разгрузкой багажа. Второй, третьей роте и спецвводам – следовать за вахтенным офицером.

Когда десантники построились на посадочной площадке, Орлов в недоумении оглянулся. Позади возвышалась громада челнока, впереди – равномерно светились гладкие серебристые стены. Никаких дверей, приборов, механизмов или чего-то, что могло служить ориентиром в предстоящем движении. А в телерепортажах об экскурсиях на звездолет все было иначе. Там показывали переплетения кабелей, труб, нагромождения механизмов, деловито снующих роботов и многое другое, вполне отвечающее земным представлениям о сложнейшей технике завтрашнего дня. Несоответствие увиденному было настолько разительным, что Сергея охватило противное предчувствие неприятностей. Если декорации из репортажей не скрыты под «серебром» этих стен, то значит Землю пытаются поводить за нос, а это очень дурно пахнет.

Другие десантники вертели головами не меньше Сергея, и по строю пополз глухой ропот. Комбат тоже был немного растерян, но прятал это под хмурой гримасой. Подозрения, правда, не успели окрепнуть, так как часть стены перед солдатами «растаяла», обнажив знакомые по «Новостям» нагромождения приборов и аппаратуры, а также широкий проход в прямой коридор, конец которого терялся в серебристой перспективе. Волнение улеглось, но осталась некая настороженность, которую Сергей обозвал про себя «предсмертной бдительностью».

Никто не заметил, как на «пороге» открывшегося коридо-

ра возник вахтенный офицер. Орлов ожидал, что на встречающем будет та самая невероятная форма, в которой Гость впервые явился народу, но офицер был облачен в вариацию на тему земного хаки с серебряными звездами на погонах. К лицу его примерзла приветливая улыбка, а в глубоких черных глазах читалась готовность разбиться для землян в пятнистую лепешку. Он подошел к комбату русским строевым шагом и отрапортовал:

– Товарищ полковник, вахтенный офицер Джи, назначен ответственным по расквартированию и поддержанию связи с вашим батальоном. Уполномочен решать все вопросы, не касающиеся боевых действий.

– Джи?

– Наши имена слишком трудны для произношения, поэтому капитан принял решение использовать вместо них буквы английского алфавита.

– Цену набивает, – шепнул Орлову Смит. – Будто этой дырки в стене мало, чтобы впечатление произвести.

– Думаю, дырка – только цветочки, – ответил Сергей.

– Надо было поддержать предложение Кровицкого. Слишком волнующее начало на трезвую голову, – продолжил перешептывания Анисимов.

Их беседу прервала команда. Русбат не в ногу миновал «порог» и двинулся по искрящемуся полу в глубь звездолета.

Северо-восток. Пять месяцев назад

– Не люди? – в голосе Хозяина сквозило сомнение.

– Так сказал Макс.

Я не смог дожидаться ужина и соорудил себе бутерброд. Мой летательный аппарат висел над железнодорожным переездом немного выше дождевых облаков. «Художники» еще не подъехали, так что было время и перекусить, и связаться с базой.

– Чем он занят сейчас?

– Промывает мозги агрессорам.

– Понятно. – Хозяин сложил кончики тонких пальцев и нахмурился. – Будь очень внимателен, Алекс. Наши расчеты подтверждают твоё предположение. Станция амфибий где-то в районе «ручья». Как с ней поступить, решат другие службы, а ты займись незнакомцами. Они – величина неизвестная, а значит, потенциально опасная для операции в целом. «Разговори» их, а в случае необходимости – задержи. Все ясно?

– Почти. Что делать с пленными?

– Когда Макс закончит, отвезите их в лес и отпустите.

– Я уверен, что они работают на амфибий, а этот жест череват раскрытием нашего вмешательства в их проект.

– Через пару часов наше вмешательство станет более чем

очевидным, поэтому можешь отпустить их с чистой совестью. – Хозяин утомленно прикрыл глаза рукой: – Что-нибудь еще?

– Нет, – я помахал бутербродом, – конец связи.

Изображение погасло. Я доел, смахнул с колен крошки и, выудив из синтезатора чашку кофе, обратился к Макс:

– Отвлекись, дружище, мне нужна картинка «Тойоты».

Макс выполнил приказ молча. Передо мной вспыхнуло объемное изображение машины.

– Дай увеличение и смени угол, я хочу видеть лица.

Картинка плавно изменилась. Теперь я видел лица пассажиров, слегка искаженные изгибом лобового стекла. Они оживленно беседовали. Мимика и жестикация были вполне человеческими. О чем они так жарко спорят?

– Макс, читай по губам.

– Подслушивать нехорошо, – буркнул Макс.

– Жизнь шпиона аморальна и в целом и в частности, – вздохнул я.

Картинка дополнилась звуком. Таких переливов и трелей я не слышал еще никогда. Хуже всего было то, что я не понимал ни слова.

– Можешь перевести? – я с надеждой посмотрел на синтезатор – ипостась Макса-кормильца и потому, лично для меня, воплощение его всемогущества.

– С ходу – нет. Но если подвергнуть анализу – возможно.

– Подвергни, Максик, очень надо! – Я знал, что упрямый

кибер особенно падок на такие вот детские уговоры.

– Как скажете, начальник, – словно бы нехотя согласился Макс.

На самом деле деваться ему было некуда, но теперь он проведет анализ в три раза быстрее. Вот такая вредная «железка».

– Что, кстати, говорят пленные?

– Полной ясности пока нет.

– К ужину будет?

– Постараюсь.

– Годится. Садись, будем знакомиться с «богемой» ближе.

Для такого захолустья ресторанчик был слишком хорош. Кроме оригинального интерьера и сносной кухни он порадовал скромностью цен и присутствием самых что ни на есть настоящих музыкантов. Их, правда, было только двое, и первый вместо рояля играл на старенькой «Ямахе», зато второй неплохо освоил саксофон, поэтому звук был скорее жив, чем мертв. В общем, пищеварение не страдало.

Волосы и одежда Анны высохли, она подправила макияж и сверкала теперь своей красотой в полной мере, элегантно разрывая сердца окружающих мужчин на три-пять частей без малейших усилий. Дамы напряженно искали изъяны. Не найдя таковых, они заходились в явственно проступающей наружу внутренней истерике и принимались лихорадочно строить глазки Вику.

Находясь в тени и наблюдая весь этот цирк, я ощущал смутное беспокойство. Шпиону лучше быть незаметным. В этом я убежден глубоко и прочно. Тактика приславших сюда Анну и Вика меня озадачивала. Я все больше склонялся к тому, что «художники» призваны не работать, а отвлекать внимание. Вопрос – чье внимание и от кого или от чего? Мое? Не та я птица. Так, полевой агент на ржавом корыте. Амфибий и их приспешников, устроивших базу в лесу? Возможно, но это еще надо доказать. Лучший способ, кстати, заслужить доверие противника – «пострадать» от своих. Вариант номер три: их миссия не связана ни с нами, ни с «жабами» напрямую. Маловероятно, учитывая массу совпадений: «ручей», «охотники», современное вооружение и оборудование... Наверное, стоит набраться терпения да и проследить за красавцами до сеанса связи, сразу все и прояснится.

Придя к такому выводу, я немного успокоился и вновь включился в неторопливую беседу.

– ...Так что влияние Ренуара здесь ни при чем, – закончил фразу Вик и напряженно замер, уставившись на входную дверь.

Я чуть повернул голову и скосил глаза в ту же сторону. На входе что-то происходило. С «привратником» беседовали трое крепких мужчин в тошнотворно стандартных костюмах. Все четверо ежесекундно бросали на нас короткие взгляды, что-то деловито обсуждая. Я нащупал на своих наручных часах кнопку вызова Макса и приподнял руку так,

чтобы циферблат был повернут в сторону двери.

– Вижу, – шепнул в ухе Макс, – вокруг меня бродят еще четверо. По-моему, они надеются попасть в наш багажник. Все четверо земляне. Оружие стандартное. Цель – ты, начальник.

– Как-то непрофессионально они работают. Не прячутся, плятятся во все глаза, – забыв о конспирации, пробормотал я.

– Вы что-то сказали? – поинтересовался Вик.

– Нет, я подпевал. Люблю эту мелодию, – я кивнул в сторону музыкантов.

– Новые сведения, начальник, «художников» им приказано не трогать, а тебя брать собираются на улице... Смешные...

Макса ситуация забавляла, а я чувствовал себя все-таки неудобно. «Брать»-то собирались меня.

Полет. Две недели назад

Первая неделя на корабле была объявлена периодом адаптации. Солдаты слонялись по серебристым помещениям, под руководством вахтенных офицеров изучая устройство корабля. В тире размером с олимпийский стадион проходили тренировки по стрельбе из лучевых винтовок, предложенных Гостем в качестве основного средства вооружения бригады. После стрельб на том же «стадионе» примерялись и подгонялись по размеру боевые костюмы из какой-то совершенно невероятной ткани. Мягкие и удобные, они выдерживали прямое попадание из стандартного пулевого оружия, а на теле не оставалось даже синяков.

– Странно все это, – делился за ужином своими сомнениями Смит, – костюмчики замечательные, слов нет, но где гарантия того, что на Грунмаре воюют при помощи порохового оружия?

– Гость, наверное, знает, что делает, – пожал плечами Орлов.

– Они просто глушат нас, как рыбу, своими супертехнологиями, – пожаловался посерьезневший Кровицкий, – у моих ребят уже кепки на головы не налазят, так мозги распухли от обилия информации.

Волкофф, вяло ковырявший ложкой приятную на вкус, но

бесформенную питательную массу, поднял взгляд на Орлова и медленно, словно подбирая слова, спросил:

– Когда же будет основной инструктаж, герр майор? Мы здесь уже неделю, а о Грунмаре не знаем ничего, кроме названия.

– Обещали завтра, после «прыжка».

– А вам это не кажется странным?

– Кажется, но у Гостя, возможно, есть веские причины. Миссия секретная, так что такое умолчание может быть стандартной процедурой.

Орлов сам с трудом верил в подобный вариант, но оставить без ответа вопрос Волкоффа не мог.

– Тогда Гостю не следовало называть и планету. Если миссия секретна, то основной тайной должна быть конечная точка, не так ли? – не унимался немец.

– Возможно.

Сергея самого мучил этот вопрос.

– Ты хочешь сказать, что мы летим не на Грунмар? – вмешался Смит.

– Или Гость сам не знает о планете никаких подробностей, – кивнул Волкофф.

– В таком случае, версия об освобождении липа? – негромко предположил Дуэро.

– Шитая белыми нитками, – невпопад добавил Чен, сверкнув щелочками глаз.

– Постойте, логики-аналитики, а если планета просто на-

зывается по-другому, как в случае с именами членов экипажа, и Грунмар – всего лишь вольный перевод? – предположила Стефания.

– Белла донна права, – поддержал ее Кровицкий, – не имея достаточного количества информации, мы не можем обвинять Гостя в лукавстве.

Волкофф кивнул, но по лицу было видно, что он остался при своем мнении.

Инструктаж не состоялся и после прыжка. Когда командующий бригадой попытался встретиться по этому поводу с Гостем, тот заверил генерала, что лекция о Грунмаре обязательно состоится, но после получения свежих новостей о положении дел на планете, то есть завтра-послезавтра. Комбрига этот ответ не удовлетворил, и он попытался созвать совещание высших офицеров.

Орлову результат попытки еще не был известен, когда коммуникатор буркнул голосом зампотеха батальона:

– Орлов, к «папе».

Сергей поднялся с удобной койки и, с недоумением посмотрев на часы, шагнул к двери. Серебристая дверка мгновенно растаяла, но выйти в коридор Сергею не удалось. Что-то удерживало его от следующего шага. Он протянул руку – никаких препятствий движению не ощущалось. «Что за черт?» Сергей наклонился, перенося вес тела вперед, но не достигнув той критической точки, когда по законам физики

ему следовало упасть носом в пол, выпрямился. Складывалось впечатление, что кто-то подсказал телу поступить вопреки приказу хозяина. Орлов попытался передвинуть ногу. Ничего не вышло. Он развернулся и шагнул к койке. Это движение не стесняло ничто. «Заперли». Сергей набрал на коммуникаторе код каюты полковника. Комбат сидел за письменным столом, задумчиво поигрывая ручкой. В его глазах застыла безнадежность и смертная скука. Заметив присутствие постороннего, командир сосредоточился и придал своему лицу более подходящее выражение.

– Товарищ полковник, это Орлов. Что происходит, Иван Константинович?

– А почему вы решили, что что-то происходит?

– Я не смог выйти из каюты...

– Не вы один. Я пытаюсь оперативно обзвонить всех офицеров, может быть, кто-то не пострадал, но пока положительных результатов нет.

– Пострадал? Почему вы применили такой неприятный термин?

– Потому, что так оно и есть. Кто-то влез в наши мозги, майор. Весь личный состав заперт по каютам, и его непреодолимо клонит ко сну. Даже выйди мы в коридор, это мало что изменило бы. Вокруг все серебристое и блестящее. Куда бы мы пошли? И наконец худшее – я напрочь забыл код доступа в оружейную комнату. Так что мы, ко всему прочему, безоружны. Весело?

– Не очень.

– Мне тоже. Попробайся связаться со своими «легионерами» и медчастью. Вдруг кто-то сможет выбраться.

– А дальше?

– Не знаю, там посмотрим.

– Хорошо.

Сергей отключился от командира и начал перебирать каюты своих подчиненных. Большинство уже спали, и никакие крики и призывы разбудить их не смогли. Такого крепкого сна Орлов не встречал никогда. Бодрствовали Волкофф, Смит и Анисимов.

– Началось-таки, – с мрачным удовлетворением хмыкнул оберлейтенант. Выйти из каюты он не смог, как ни боролся с невидимым противником за владение собственным телом. Смит за то время, что Волкофф потратил на попытку вырваться из плена, успел глубоко и крепко уснуть. Оставался Анисимов.

Сергей вывел на дисплей панорамную картинку медчасти.

– Алексей, слышишь меня?

– И вижу, – отозвался Анисимов.

– Ты попытался выбраться?

– Да, но, как видишь, пока еще здесь.

– Что же делать?

– А что ты можешь придумать? Придется подчиниться.

– Ты считаешь, что это единственный выход?

– А ты? Сергей, очевидно, что съесть нас никто не соби-

рается. Сидеть и переживать, что не понимаешь сути происходящего – глупо. Следовательно, остается лечь поспать, как и предлагает тот, кто наслал на нас эту дремоту. Утро вечера, сам знаешь...

– Знаю, но просто бешусь от этого.

– Остынь, завтра что-нибудь придумаем, а пока мы слишком мало знаем и можем для активного сопротивления.

– Ты все-таки считаешь, что это враждебные действия?

– Ну и стиль у тебя, только рапорты писать. Нас «обули» и «переобули», майор, исходя из произошедшего. Не знаю точно, зачем нас погружают в крепкий сон, но проснемся мы уже не теми людьми, что прежде. Поверь мне как врачу. Я это знаешь чем чувствую?

– Профессиональным чутьем, видимо.

– Да уж, у меня оно именно в том месте и расположено.

– Да ну тебя, тут такое творится, а ты все шутишь, – Сергей начал зевать.

– Надо же поддержать тебя в трудную минуту, это мой врачебный долг. Если я не могу помочь лекарствами... Хотя, подожди, почему не могу? Кое-что у меня есть, станем слегка заторможенными, зато никаким внушениям не поддадимся.

– Когда это лекарство подействует на тебя?

– Минут десять до начала и еще пятнадцать-двадцать до пика.

– Я не выдержу.

– Постарайся, Сережа. Мы с тобой, похоже, одни остались в сознании. Ну, не сорвать коварный план, так хотя бы проследить за нюансами мы с тобой обязаны.

– Извини, док... я... не могу... – Сергей уронил голову на грудь и плавно завалился на койку.

Анисимов покачал головой и выключил экран. Затем, немного похаживая по каюте, включил коммуникатор вновь и вызвал Кровицкого. Капитан спал, приоткрыв рот и раскинув руки. Доктор некоторое время смотрел на спящего, а потом, подавив зевок, произнес:

– Палыч, подъем, у нас проблемы.

– У нас что ни день – проблемы, – не открывая глаз, ответил Кровицкий, – так стоит ли их переносить еще и на ночь?

– У нас на самом деле проблемы.

– Да? – на этот раз капитан приоткрыл правое око и скопил его на экран. – Что-то тихо сегодня. Тебе не кажется?

– Я как раз об этом. Всех заперли по каютам и усыпили. Похоже, что готовится имплантация.

– Подожди секунду, – Кровицкий прижал ладонь к экрану и через несколько мгновений, убрав руку, кивнул, – она уже началась. Закачивается программа типа «жаме вю», неузнавание...

– Я в курсе значения термина. Что конкретно должны «не узнать» десантники?

– Плохи дела, товарищ Гиппократ, они не смогут узнать Землю...

Северо-восток. Пять месяцев назад

Семеро на одного. Стыдно должно быть. Особенно от того, что справиться со мной они так и не смогли. После короткой потасовки я пулей влетел в машину и с размаху хлопнул по кнопке экстренного взлета. Разведбот, безобразно нарушая конспирацию, стремительно взмыл под облака.

– Чего разошелся-то, начальник? Чуть кнопку не сломал...

– Замаскируйся и виси здесь. Не хочу упускать из виду клайров.

– Кого? Ты спятил? Откуда на Земле клайры?

– Вот и мне интересно, откуда? Эти «художники» – чистокровные клайры.

– Каким образом ты это выяснил?

– Ты речевой анализ закончил? – вопросом на вопрос ответил я.

– Да, – в голосе Макса звучало сомнение, – получается, что они говорили на одном из диалектов наших Хозяев. Суть спора сводилась к тому, можно на тебя положиться или нет.

– Ну и как, можно?

– По их мнению или по моему?

– Не паясничай.

– Можно, с поправкой на низкий интеллектуальный уро-

вень.

– Я же просил не паясничать!

– Это их слова, начальник!

– С какой стати клайры заговорили о доверии ко мне, представителю низшей – в их понимании – расы, да еще на языке Хозяев?

– Ты так и не пояснил, почему решил, что они клайры? Я, например, думаю, что это бригада контролеров из Центра, которая спровоцировала твое вмешательство в дела землян и теперь сочиняет рапорт о твоем несоответствии занимаемой должности.

– Я не ошибся, – упрямо отрезал я. – Они вышли из ресторана, дай увеличение и читай по губам.

– Куда он делся? – спросила Анна, зябко кутаясь в тонкий платок.

Вик стоял чуть сзади, вглядываясь в темноту. Освещение улицы было скудным, и семерых рыщущих вокруг агентов выдавали только звуки шагов. Наконец один из них показался на свету, и Вик его сразу окликнул:

– Офицер, подойдите ко мне.

Агент мгновенно подчинился и замер перед «художником» с выражением почтительного внимания на лице.

– Нашли что-нибудь?

– Никак нет. Он словно испарился.

– Или взлетел... Вертолеты вызвали?

– Так точно, но до их прибытия еще минут десять.

– За десять минут он может улететь за тридевять земель.

Поднимайте «МИГи».

– Есть! – агент повернулся и торопливо двинулся к фургону, крыша которого была утыкана длинными прутьями антенн.

– Его не обязательно сбивать, – задумчиво произнесла Анна.

– Дело не в нем, а в его грузе. Бортовой компьютер разведбота не сможет найти в головах пленников ничего подозрительного, но на базе их раскусят в момент. Этого допустить нельзя. Информацией должны владеть только мы или никто. Я с самого начала говорил, что не стоило с ним связываться.

– Работая в таких трудных условиях, мы не можем отказываться от столь эффективного оружия, как профессиональный разведчик врага. Ты понимаешь это не хуже меня. Кто еще может легко добыть нам пару весомых улик?

– И улизнуть вместе с ними...

– Он вернется.

– Почему ты так решила?

– Он вернется из любопытства. А еще потому, что он догадался, кто мы по происхождению.

– Это хуже...

– Нет, потому, что он не будет сопротивляться.

Точно. Больше всего мне хотелось вернуться и меньше

всего – сопротивляться клайрам. Величайшим воинам галактики, побежденным в последней войне несметным флотом амфибий-кочевников и жаждущим ныне крови победителей. Останавливало то, что Анна упомянула меня, как разведчика врага. Здесь была какая-то нестыковка. Их враги – амфибии, а не мы. Во время Великой Битвы именно Хозяева помогли остаткам флота клайров прорваться сквозь сферу окружения и избежать мучительной смерти в плену у «жаб». Я сам был на том рубеже и видел все это собственными глазами. Теперь же разведчик союзника называет меня врагом. Загадка. Неужели я похож на кочевника? Или все-таки между Хозяевами и клайрами пробежала черная кошка?

– Алекс, «МИГи»!

– Уходим!

– Приказываю приземлиться и выгрузить пленных, – голос Хозяина ворвался в кабину по экстренному каналу связи совершенно неожиданно.

– Шеф, у меня есть сведения, что ребята в нашем багажнике знают нечто особенное.

– Ничего они не знают, это простые охранники. Выполняйте приказ, агент!

– Слушаюсь! – Я ничего не понимал, но догадывался, что ведется более сложная игра, чем мне казалось до сих пор. – Макс, садись, мы сдаемся.

– Алекс, куда же вы сбежали? – обворожительно улыба-

ясь, встретила меня Анна, когда разведбот мягко сел перед рестораном.

– Надо было... по делу... – Я взмахнул рукой, и Макс открыл багажный отсек. – Забирайте.

– С чего вдруг такая щедрость? – спросил, усмехаясь, Вик.

– Вопрос не ко мне, – я почесал кончик носа. – Так забираете своих обидчиков или нет?

– Забираем, забираем, – Вик подал знак помощникам, – может быть, продолжим ужин?

– Что-то не хочется...

– Да бросьте, Алекс, побудьте нашим гостем некоторое время, – Анна мягко взяла меня за руку, – скажем, часа два.

– Более приятного плена желать невозможно, – я поклонился.

– Ну что вы, в плен берут на войне, а здесь – всего лишь операция обеспокоенных спецслужб. Так что вы все-таки более гость, чем пленник.

– Значит, я могу задавать вопросы?

– Конечно.

– Как вам удалось скооперироваться с местной контрразведкой?

– Мы же воины, а все воины прекрасно понимают друг друга. Мы предложили им кое-какие новинки, а они нам сильную помощь людьми и техникой.

– Вмешиваетесь в развитие, господа? – укоризненно покачал головой я.

– Цель оправдывает средства, Алекс. Ты тоже не Хозяин, а значит, и они вмешиваются, вырывая тебя из привычного общества. Кто в наше время без греха?

– Я сам нанялся на эту работу, а вы, преследуя свои цели, вмешиваетесь в развитие, предоставляя преимущество одной из держав. Это противоречит Закону Галактики. И оправданий такому поведению честных когда-то воинов быть не может.

– Вы хотите сказать, что мы роняем свою честь, обезвреживая кочевников? – начал закипать Вик.

– Я это уже сказал, можете ударить меня, если вам станет легче. – Я совершенно спокойно выдержал его гневный взгляд и продолжил: – Только изменить этим ничего не удастся. Ваше дело «обезвреживать» амфибий в космосе, а планетарные операции – дело Хозяев. Мы тратим годы на создание законспирированных сетей наблюдения, а вы хотите решить все одним ударом. Глупо. Глупо и неэффективно. Что теперь прикажете делать с поумневшими контрразведчиками, которые до чертиков перепуганы тем, что на территории их страны инопланетяне воюют между собой?

– Главное – не допустить захвата планеты кочевниками, и если для этого придется подтолкнуть развитие аборигенов, то так тому и быть.

– Это крайний случай, я понимаю, но почему вы? Не доверяете квалификации Хозяев?

– К амфибиям у нас свой счет.

– Да к дьяволу ваш «джихад»! «Жабы» никогда не уходят без хлопанья дверью, а фантазии на каверзы у них хоть отбавляй. Если эту планету сожгут или растопят ее полярные шапки и зальют континенты водой, или что-то еще, то вам это с рук не сойдет, будь вы трижды клайрами!

– Мы готовы к тому, что наши действия не оценят... – упрямо возразил Вик.

– При чем здесь оценка? Что мы, в школе? «Жаб» надо накрывать одним внезапным ударом по всем их замаскированным базам. При достаточно грамотном планировании провести такую операцию – раз плюнуть. Потом следует поставить пару кордонов вокруг планетной системы, и все. Кочевники после этого сюда не сунутся лет двести. А вы – «оценят, не оценят». Кордоны – вот ваше место, а здесь вы, как два слона в посудной лавке! Тоже мне, мстители-интеллектуалы.

– Шеф, «МИГи» сообщают: в районе ручья что-то происходит, – крикнул из фургона виков помощник.

– «Что-то» это что? Поконкретнее можно?

– Пилот говорит, что похоже на подземный взрыв. Кило-тонн двадцать, не меньше.

Вик встревоженно посмотрел на меня. Я облокотился о капот Макса и зевнул.

– Простите. Взрыв не ядерный. Обычная планетарная бомба. Списали бы все на тектонические процессы.

В подтверждение моих слов земля под нами ощутимо задрожала.

– Балла два. Такие землетрясения и на равнине не редкость. Так что, если бы не вы, все было бы шито-крыто.

Клайры переглянулись и промолчали.

– Теперь я свободен? – обратился я к растерянной парочке.

– Не совсем, – вмешался в наш разговор вынырнувший из темноты контрразведчик, – я бы попросил вас рассказать более подробно о проведенной только что бомбардировке и расе, за этим стоящей.

– Наверное, в другой раз, – я, улыбнувшись, попятился к машине, но не успел сделать и двух шагов, как получил болезненный укол под лопатку.

Как Макс мог такое допустить?! Я мучился над этим вопросом, пока меня тащили к фургону, но ответа не находил.

– Что ж ты не научил своего кибера стрелять? – Вик ухмыльнулся и прикрыл мои парализованные веки, – хорошо, что этот мазила заряжен снотворным, а то куковал бы сейчас вместе с амфибиями на том свете, приятель.

Макс? Меня «вырубил» мой собственный разведбот?! Вы что-нибудь понимаете? Я – нет!

Полет. Двенадцать дней назад

Волкофф основательно вспотел. Последние полчаса он мужественно боролся со сном, который обволакивал его с каждой секундой все сильнее.

После отжиманий «на кулаках» он провел длинный раунд «боя с тенью», поприседал и бросился в новый бой с несуществующим противником. В процессе тренировки он не забывал поглядывать на экран, где в тридцати двух «картинках» демонстрировались интерьеры близлежащих кают с сопящими на койках десантниками. В промежутках между упражнениями оберлейтенант «пролистывал» другие изображения, но ничего нового не увидел. Все спали. Волкофф и сам отчаянно хотел спать, он уже потратил последние силы и валился от усталости с ног.

Очередной раз просматривая «картинки», он наткнулся на виды медчасти. Доктор возился с каким-то аппаратом, бодрый и сосредоточенный. Более того, рядом стоял капитан Кровицкий и давал Анисимову то ли советы, то ли ценные указания. Волкофф хотел их окрикнуть, но почему-то удержался от каких бы то ни было действий. Он наблюдал, затаив дыхание, за манипуляциями врача. Какой-то внутренний голос приказывал Волкоффу смотреть и запоминать. На минуту даже отступил надвигающийся сон.

– Он боялся, что при входе нас могут просканировать, поэтому не сказал мне код, чтобы ненароком не завалить всю группу. Но в компьютере код есть, надо только догадаться, где, – Анисимов пробежался пальцами по клавишам.

– Давай-ка я сам, а то ты до второго пришествия будешь код искать, – Кровицкий попытался отстранить доктора от компьютера, но Анисимов заупрямился.

– Код не логичен, это сделано специально для того, чтобы при проверке «машинки» его нельзя было обнаружить, так что, Максим Палыч, отвали. Тебе эта задачка не по зубам.

– А ты его как будешь искать, гений?

– Интуитивно, на это и рассчитано.

– Ну хорошо, трудись, гуманитарий, а я пойду попробую вскрыть «оружейку».

Волкофф бесшумно выключил коммуникатор и устало сел на кровать. Из беседы капитана и доктора он не понял ровным счетом ничего. Ясно было только то, что на эту парочку охвативший всю бригаду гипнотический сон не действовал. Возникал вопрос «почему»?

Офицер незаметно для себя погружался в объятия Морфея: глаза медленно закрылись, дыхание стало более ровным, тело расслабилось. Когда в каюту Волкоффа заглянул вахтенный офицер Джи, обер-лейтенант крепко спал. Вахтенный набрал на коммуникаторе код и негромко скрипнул на галактическом языке:

– Этот тоже наконец успокоился. Можно начинать внуше-

ние.

Проснувшись, Сергей ощутил небывалый прилив бодрости и приятное предчувствие удачи. Все волнения, сопровождавшие его в последние дни, испарились, не оставив и следа. Он чувствовал себя готовым к любым подвигам на благо Родины без оговорок и сомнений. В коридоре слышались возбужденные голоса других десантников, которые что-то весело обсуждали. Орлов оделся и выглянул за дверь. Полные энергии, подтянутые и посвежевшие, воины, не спеша, двигались по центральному проходу в сторону демонстрационного зала, где обычно проходили совещания офицеров.

Сергей вернулся в каюту и включил коммуникатор. На экране горела синяя надпись: «Всем прибыть на инструктаж в 9.00».

– Ну наконец-то, – вздохнул Сергей и принялся торопливо шнуровать ботинки.

– Герр майор, необходимо поговорить, – Волкофф появился в дверном проеме неожиданно и бесшумно.

– Настолько срочно, что ради этого стоит пропустить инструктаж?

– Пожалуй, нет.

– Тогда идемте, товарищ обер-лейтенант, а не то опоздаем...

После короткой вступительной речи Гостя включился

огромный экран, и на фоне испещренной яркими точками звезд космической черноты появился голубой шар планеты с двумя серебристыми спутниками.

– Внешний вид планеты Грунмар. Спутники Ла и Мо, – голос Гостя был, как всегда, ровным и выразительным, – подробности вроде массы планеты, угла наклона оси и тому подобного я опускаю. Климат на планете схож с тем, к которому вы привыкли у себя на Земле. Русбат будет действовать в резко континентальной зоне, и это сократит период адаптации до нуля.

Основной задачей всех подразделений ставится захват и удержание теле-и радиотрансляционных центров. Мои специалисты перенастроят вещательную аппаратуру и пустят в эфир мощную пропагандистскую программу. При крайней неустойчивости власти этого будет вполне достаточно для прикрытия начала активных действий существующего на Грунмаре Движения Сопротивления.

Второй этап операции – обеспечение порядка в переходный период. Акция больше полицейская, чем войсковая. Планируемый переходный период займет два-три месяца. Придется помотаться по континентам, чтобы выкурить из укромных местечек остатки диктаторских войск, таковые наверняка найдутся. Во всем нам, безусловно, будет помогать местное ополчение.

Планета для меня родная и поэтому аккуратность предстоящей операции я ставлю на первое место. Пришедшая к

власти диктатура угнетает простой народ Грунмара, который виноват только в пассивности, что преступлением не является, поэтому избежать напрасного кровопролития – моя святая обязанность.

Сказанное, конечно, не означает, что стоит миндальничать с вооруженным и сопротивляющимся врагом, но моральный дух в войсках нынешнего правительства крайне низок, поэтому стрелять вам придется реже, чем, возможно, кое-кто надеется.

После установления мира вы отправитесь с заслуженной славой домой на этом звездолете, который будет первым межзвездным кораблем Земли в качестве благодарности за оказанную народу Грунмара услугу. Такое соглашение было достигнуто между мной и ООН.

Гость взял паузу, а собрание разразилось громом аплодисментов.

– Теперь перейдем к знакомству с укладом жизни и культурой Грунмара...

Пока Гость рассказывал об экономическом укладе большинства стран планеты, Волкофф пересел поближе к Сергею и шепнул:

– В зале нет Кровицкого.

– Ну и что? – Орлов недовольно взглянул на немца. – Слушайте лекцию, Гюнтер, это более содержательно, чем байки капитана.

– Дело в том, что я хотел с вами поговорить именно о нем.

И еще об Анисимове.

– Давайте подождем до конца инструктажа.

– Боюсь, что после может быть слишком поздно.

– Что вас так взволновало, Волкофф?

– Вчера перед сном я подсмотрел, как доктор и Кровицкий копались в небольшом «ноутбуке» в поисках какого-то кода.

– Ну и что? Компьютеры есть у половины офицеров, а какие они там навешивают коды и пароли от постороннего глаза – их личное дело, – Орлов покачал головой.

– С этим я согласен, но как вы объясните то, что они опасались «сканирования»? Причем, речь шла не о простом сканировании при помощи компьютерной периферии, а о проникновении в их мысли.

– Выходит, им есть что скрывать? – Орлов заинтересованно повернулся к обер-лейтенанту.

– Именно так, майор, именно так... – Волкофф многозначительно поднял вверх указательный палец.

– Ничего не предпринимайте, Гюнтер, я разберусь во всем самостоятельно.

– Я все же прогуляюсь по коридору мимо медчасти...

Так и не вняв половине сказанного на инструктаже, а усвоив лишь то, что Грунмар не сильно отличается от Земли, Орлов поспешил в медчасть. Подозрения немца заставили майора забыть о радужном настроении и сосредоточиться на предстоящем разговоре. Ему очень хотелось, чтобы

все выдвинутые Волкоффым обвинения оказались результатом легкого приступа паранойи. Доктор Сергею нравился, а неунывающий Кровицкий вызывал в майоре волну невольного восхищения подвижностью ума и необъятностью познаний. Очень не хотелось конфликтовать с этими людьми, как, впрочем, и с любыми другими. На таком бешеном расстоянии от дома они становились самой близкой родней, которую невольно любишь и которой не можешь не доверять.

– А, Сережа, входи, входи, – Анисимов действительно сидел перед «ноутбуком», что-то сосредоточенно читая, – выпался?

Орлову вдруг вспомнился разговор перед сном. «Враждебные действия», «коварный план», «принудительный сон». «Что это? Кошмар после чрезмерного ужина или явь, в которой доктор был прав? Ерунда, нам дали команду выспаться, чтобы на сегодняшнем инструктаже всосалось как можно больше информации, вот и весь ответ, а разговоры Анисимова – результат паники от недопонимания таких простых вещей».

Орлов все-таки боялся начать разговор. Если все сказанное вчера доктор повторит и сейчас, его придется арестовать, а делать этого Сергею крайне не хотелось.

– Хочешь поговорить о вчерашнем? – Врач заглянул майору в глаза.

Тот в ответ кивнул.

– Ты же понял, что никакой враждебности в этом не бы-

лю? – Орлов с надеждой посмотрел на доктора.

– Конечно, командир, я элементарно струсил. Знаешь, этакая боязнь новшеств, будь они техническими или медико-социальными. Нам просто дали отдохнуть перед напряженным инструктажем, теперь я это понял.

Услышав подтверждение своих мыслей, Орлов расслабился и присел в предложенное Анисимовым кресло.

– Ты Кровицкого не видел, его, кажется, не было на лекции?

– Мы встречались вечером, он заходил перед отбоем, но сегодня его физиономия мне на глаза еще не попадалась. У тебя к нему что-то срочное? Если хочешь, скажи мне, а я передам, как только увижу.

– Да нет, ничего особенного. Я его сам найду, – Сергей встал, – ну, пока, пора на продолжение лекции.

– Заходи вечером...

– Обязательно.

Когда дверь за Орловым «засеребрилась», из глубины медотсека показался Кровицкий.

– Хороший парень, я уверен, что Шахрин его тоже «зарядил».

– Ты генератор помех включил, прежде чем фамилиями тут разбрасываться?

– Обижаешь, Алексей Эскулапович, я порядок знаю. Код-то нашел? Ты давай, пошевеливайся, а то ведь скоро этот любопытный «фриц» до вахтенных доберется. Те не Орлов,

беседовать не станут, врежут по мозгам парой киловольт, и размышляй потом о прелестях растительной жизни имбецилов.

Северо-восток. Пять месяцев назад

Паралич проходил медленно и мучительно. Основательно затекли и руки и ноги, но я был даже рад противоположному покалыванию в конечностях; скоро я снова смогу двигаться, а тогда и посмотрим, что у местных Бондов за подготовка в области единоборств. Пока же стоило поразмыслить над безобразным поведением Хозяина, да, именно его, потому что Макс, какой бы он ни был самостоятельный и умный, до такого сильного хода не додумался бы никогда.

С одной стороны, Хозяин мог бы приказать мне и устно: сдайся, мол, да разузнай, пока земляне будут тебя паяльниками пытаться, что успели разболтать наши храбрые, но беспарольные клайры, а заодно – где проживают великие и могучие галактические воины на этой планете. Потому что, раз мы их раньше не встречали, проживают они здесь нелегально, а это карается штрафом и принудительной депортацией. Впрочем, на данной сладкой парочке висит нечто более серьезное, и трибунала им уже не избежать, но наказание – не самоцель Хозяев, им гораздо важнее исправление ошибок, допущенных провинившимся субъектом.

С другой стороны, для контрразведчиков гораздо привычнее будет выглядеть захват, пусть и в результате ошибки моего компьютера. То, что компьютеры такого уровня не спо-

собны ошибаться по определению, до них дойдет, когда я внезапно сбегу из их надежного подземелья или чего-то еще, куда там они меня упрячут. Вернее, дойти до них это уже дошло, но признаются они в собственном бессилии еще не скоро.

Выслушать, что я думаю о таком болезненном способе разведки, придется, конечно, и Хозяину и Максу, а если учесть, что последний и так сейчас терзается угрызениями совести, то пару микросхем я ему спалю, будет знать в следующий раз (не приведи господь следующего раза), как плевать на старую дружбу. Да еще парализующими иголками.

Я приоткрыл глаза и осмотрелся, насколько это было возможно. Каземат казематом. Изящно оштукатуренные серые стены наводили на мысль о полном упадке местной архитектуры и приличной осведомленности хозяев этого здания в нюансах человеческой психологии. Под потолком виднелась решетка вентиляции, но несколько ниже светилось розовыми бликами раннего утра крохотное окошко, забранное толстыми прутьями. Видеть волю и не иметь возможности вырваться – одна из древнейших пыток для узника. Убранство камеры составляли деревянные нары с треугольным в сечении брусом, прибитым вместо подушки в самом изголовье, чистый и целый, надо отдать должное, унитаз и нераспечатанный рулон туалетной бумаги. Похоже, что этот «люкс» у них постоянно «под парами». Вот и пригодился.

Я скосил глаза вправо, на тяжелую дверь с квадратным

окошечком и затененным глазком. Затененным кем-то, пристально следящим за моими действиями.

Я не стал притворяться, что все еще сплю, и принялся шевелить всем, что откликалось на приказы мозга. Пока удавались только гримасы и артикуляция. Я пробормотал что-то вроде: «Мама мыла раму» и остался доволен, теперь настала очередь вращения головой и сжимания-разжимания кулаков.

В мою физкультурную пятиминутку не могли не вмешаться наблюдающие, и я их понимаю: намаялись бедолаги, ожидаючи.

Дверь заскрипела и приоткрылась наполовину. Сначала никто не входил. Странно, стесняются, что ли? Но спустя пару секунд в мою скромную обитель мягко вошел мужчина средних лет, в отечественной пиджачной паре и архаичном позолоченном пенсне. Редкие волосы на его круглой голове были тщательно зачесаны назад, движения были плавными и несколько манерными.

Он прошел на середину камеры и остановился, скрестив на груди белые руки с холеными ногтями. Мне он не нравился. Вряд ли можно ожидать теплых чувств по отношению к надзирателю от узника, но в нашей ситуации в воздухе витало нечто особенное. Я ощущал, как в случае с клайрами, некие флюиды «нечеловечности». Меня, собственно, из-за этого чутья в свое время Хозяева и выбрали из сотни кандидатов на пост Наблюдателя. Целый регион доверили. Для

работника с моим происхождением это неплохой шаг по карьерной лестнице. Но сейчас не об этом.

Передо мной стоял чужак в ладно скроенном человеческом облике, и мое знаменитое чутье подсказывало, что он не клайр и не Хозяин. Вот разгадайте загадку: в нашем квадранте галактики обитает четыре расы, сходные по размерам и массе. Людей, клайров и Хозяев мы исключаем, остаются...

Правильно, «жабы».

Неужели наши доблестные мстители-воители не смогли раскусить его простую, хотя и неплохо выполненную маскировку? Вот оно, дополнительное доказательство некомпетентности космических бойцов в разведдеятельности.

– Здравствуйте, Алекс, или как вас там?

– Как Вас Там, это мой вьетнамский псевдоним...

– О, у вас есть чувство юмора! Оно вам понадобится очень скоро, иначе выдержать «допрос с пристрастием» практически невозможно, – кочевник недобро усмехнулся.

– Хороший костюмчик, от ЦК Союза Швейников или Армани?

– Давайте-ка проясним ситуацию, товарищ Алекс. Вы не у землян, вернее, вы в подземелье контрразведки, но начальником здесь я. О моем происхождении вы наверняка уже догадались. Поскольку стаж в планетарной разведке у вас есть, иначе бы вам не доверили индивидуального патрулирования, вы должны знать об исключительных способностях мое-

го народа. Все Управление по Н-ской области верит мне, как себе, то же могу сказать и о злобных клайрах. Они, кстати, проникли на Землю незаконно – ваш недосмотр. В общем, деваться вам некуда, выбора нет, надежд никаких. Я мог бы вас заставить рассказать все, меня интересующее, при помощи Великого Дара Внушения, но...

«Ни черта ты не мог бы и прекрасно это знаешь, на Планетарную Разведку такая ерунда не действует; слишком тщательно нас готовят в Академии, – думал я, слушая бред амфибии, – но насчет Дара – что верно, то верно».

Ни один простой смертный не мог устоять против внушения амфибий-кочевников. Они этим брали не города, а планеты. Любой, кто встретился взглядом с «жабой», попадал под непреодолимое влияние Дара и начинал воспринимать окружающее только так, как приказывал управляющий им кочевник. В свое время сотни миров добровольно отдавали все ресурсы ненасытной орде амфибий, кочующей по Вселенной, и гибли потом от голода, но с выражением абсолютного счастья на лицах.

У «жаб» не было родины, кроме Вселенной, и их стремление выжить в пустоте космоса не вызывало нареканий, но способ, которым они достигали этого, не нравился никому, в том числе Хозяевам.

После Второй Великой Битвы, когда кочевников стало в половину меньше, Хозяева расслабились и не стали загонять амфибий в резервацию, как предполагалось раньше.

Не представляющим больше угрозы кочевникам было строго указано уводящее из Галактики направление и приставлен эскорт из клайрского флота. «Пастухи» – таким был позывной сигнал конвоиров – проводили состоящий из полутора миллионов больших и малых кораблей табор до Рубежа Исследованных Миров, что в сорока тысячах светолет от Галактической столицы, и встали временными блокпостами на Рубеже, чтобы амфибии не могли вернуться, приди им такое в голову.

Действия кочевников маленькими подвижными группами стали для Хозяев полной неожиданностью, настолько глубоко укоренилось мнение, что «жабы» не способны воевать вне своего огромного флота. В космическом бою у амфибий не было преимущества, которое давал Великий Дар Внушения на планетах, и выиграть любую битву они были способны только при помощи сумасшедшего натиска сотен тысяч кораблей. Жалкий десяток «жабьих» истребителей не смог бы выстоять и минуты в бою с одним крейсером клайров, но кочевники не побоялись и не поленились совершить беспрецедентный обходной маневр. Они проникли обратно в Галактику и перешли к партизанской войне на множестве обитаемых планет.

Хозяева схватились за голову, но жест этот запоздал, и они схватились за другое место, куда, видимо, как говорят в моем регионе, их клюнул жареный петух. Была срочно организована новая служба, получившая нейтральное название

– Планетарная Разведка, и сформирован Мобильный Флот, который, основываясь на разведанных, мотался по звездным системам, отлавливая корабли-лазутчики и бомбя базы амфибий, где это было возможно.

– Вы меня слушаете? – Кочевник недовольно нахмурился.

– Так точно, группенфюрер, – руки уже восстановились, и я попытался сесть, опираясь о холодную стену. – Пытаться будете электричеством или немного повтыкаете под ногти иголки?

– Отчего же немного? Программа специального допроса предусматривает как раз «много и больно». Сами понимаете, этого можно избежать...

– Ну все, я уже боюсь и согласен на любое предложение, – равнодушно перебил я кочевника, приступая к разогреву ног.

– Как-то неискренне вы соглашаетесь, – кочевник поморщился и поправил пенсне.

– Что конкретно вы хотели бы от меня узнать? – Я практически оправился от паралича и теперь мог сосредоточиться на беседе.

– Кто бомбил наши базы?

– Вы же знаете.

– Отвечайте на вопрос.

– А то что? Укусите? Хотите подтверждения? Да. Все ваши лабазы разбомбил Мобильный Флот клайров, с подачи Планетарной Разведки. Что дальше?

– Ничего особенного. Сейчас мы пройдем в соседнее помещение, где установлен подарок вероломных клайров местной контрразведке – Многоканальный Обучающий Конструктор, и снимем ваш блок против Великого Дара Внушения, а дальше...

– Понимаю, понимаю, хотите заполучить двойного агента в стане Хозяев, – я усмехнулся, – должен вас предупредить: после каждого задания я прохожу профилактический осмотр, в том числе на мыслесканерах, так что ничего у вас не выйдет. Как ни грустно...

– А мы попытаемся, в конце концов, выбора у вас нет, а мне терять уже нечего.

– Нечего? А жизнь? Вас за такие дела даже арестовывать не станут, бах-бах – и нет последнего кочевника на планете Земля.

– Глупо в вашем положении угрожать мне насилием. Поднимайтесь, дружище, нас ждут великие дела.

Я не спеша поднялся и, потягиваясь, двинулся к выходу. Конструктор, надо же... Где, интересно, клайры его выкопали? Такие мощные машины требуют не только особых условий эксплуатации, но и тщательного ухода и обслуживания. Им, в связи с этим, даже «мозг» вставляют особый: с несносным характером и непомерными претензиями. Он так привередлив, что инженеры больше месяца Конструктор не обслуживают – уходят на «больничный» с нервным расстройством. А если условия покажутся Многоканальнику не под-

ходящими, скажем, влажность в помещении на тысячную долю процента больше или пара лишних пылинок по лаборатории летает, он вообще не включится. Мой вечно ворчащий Макс по сравнению с Конструктором – ласковый теленок.

В соседнем помещении было светло, сухо и почти стерильно. Лаборанты в специальных костюмах водили деловитый хоровод вокруг достаточно портативного Многоканальника, настраивая его бесчисленные параметры. Среди присутствующей публики, конечно же, выделялась сладкая парочка «художников-пейзажистов». Они давали землянам советы и на меня внимания не обращали.

– Этот канал отвечает за рост миелиновой оболочки нервных волокон, – поясняла Анна замученному инженеру, который кивал только для вида.

Его мыслительный процесс остановился давно и прочно. Бедняга, наверное, не вылезал из подвала уже суток трое.

– Проверь систему формирования динамического стереотипа, – командовал своему помощнику Вик, – нет, это не нормально! Она должна запускаться с первого раза, а не со второго или, не дай бог, с третьего! На черта тебе умение бить белку в глаз, если ты сначала попадешь ей в хвост и напроць испортишь шкурку?!

– Ну как, готов аппарат? – поинтересовался кочевник, держа меня под руку.

– Пять минут, Степан Андреевич, – заверил его Вик, – осталось проверить канал «всплывающей команды», и мож-

но начинать.

– Как глубоко ныряет ваша «всплывающая команда»? – я заинтересовался.

Аппарат оказался неожиданно новым, и, если он способен погрузить секретную команду в мое подсознание глубже десятого условного уровня, специалистам в нашем Центре до нее не докопаться ни в жизнь.

А всплывет она неожиданно, при произнесении кем-либо ключевого слова, и запустит все заложенные в мой мозг Конструктором приложения. Так в сельском учителе может вдруг проснуться Эйнштейн или Ван Дамм, или и тот и другой, а в верном и преданном агенте Хозяев Алексе – шпион амфибий. Перспективка, прямо скажем, не веселая.

– Двенадцать уровней, – кочевник неприятно улыбнулся. – Такая глубина устроит?

– Валяйте, только быстро, – я знал способ побороться за собственные мозги, но не знал, сработает он или нет.

Дело в том, что его никто еще не опробовал. Опять я первый. Вечно лезу в первопроходцы, что за привычка?

Меня усадили в кресло, надели на голову шлем Конструктора и запустили программу. Никаких неприятных моментов не было. Перед глазами мелькали разные обрывки образов, по телу вихрями проносились необъяснимые ощущения, а конечности подергивались, реагируя на свежеприобретенные навыки. Но я сосредоточился на одном: как не допустить снятия блока, оберегающего меня от Великого Дара

Внушения «жаб».

Полет. Семь дней назад

Инструктаж подходил к концу. Десантники изучили культуру, язык и особенности военной подготовки грунмарцев. Они до седьмого пота тренировались на макетах в стремительном захвате основных телецентров, сводя условные потери в условных боях к минимуму. Тренировки проводились с применением обычного земного оружия, и боевые костюмы не подвели ни разу, выдерживая выстрел из автомата в упор. Операция обещала быть успешной и стремительной. Настроение солдат с каждым днем повышалось, а неприятные ощущения, связанные с последним вечером перед инструктажем, почти стерлись из памяти.

Взвод Орлова отрабатывал технику прикрытия ударной группы второго взвода первой роты. Кровицкий командовал настолько грамотно, что прикрывать особо было нечего. Захват макета регионального телецентра каждый раз укладывался в четыре минуты, и пока никто этот рекорд побить не смог.

– Все дело в гениальности полководца, – артистично потупив глаза, хвастался Кровицкий. – Да и ребята у меня как на подбор – спирт с молоком!

– Меня всегда поражала твоя завидная скромность, – рассмехался Сергей.

– Чего нет, того нет. Скромность – это скудость ума, господин майор, или светобоязнь, если выразаться помягче, – капитан самодовольно улыбнулся, – «пулю» вечером распишем?

– Я Смиту партию в покер обещал, – Сергей, извиняясь, развел руками.

– Смотри, обчистит тебя наймит мирового империализма.

– А ты будто не обчистишь? – Орлов снова рассмеялся.

– Ну, я-то свой, значит, утечки капиталов за границу не произойдет, и экономика страны не пошатнется! Где твое макроэкономическое мышление? – Кровицкий выразительно постучал по шлему.

– И только отзвук пустоты, – нараспев продекламировал Дуэро, появляясь из-за спины капитана. – Командир, вас вызывает ротный.

– Спасибо, – Сергей отдал испанцу автомат и поправил униформу, – Палыч, ты меня на завтра имей в виду.

– Договорились, – Кровицкий махнул рукой и пошел к своему взводу.

В каюте ротного, кроме него самого, присутствовали командиры второй и третьей рот, а также комбат и Волкофф. Сергей сразу же сообразил, в чем дело, и приготовился к головомойке. Но комбат начал с другого.

– Хромает дисциплина, товарищ майор, во вверенном вам взводе, – полковник указал на Волкоффа: – Вот господин обер-лейтенант, например, не в курсе, что в нашей армии по-

ложено обращаться «по команде». Минуя командира взвода, явился сразу ко мне. Надо, наверное, вам устроить зачет среди своих подчиненных на знание Строевого Устава?

– Есть устроить зачет, товарищ полковник, – Орлов не стал возражать и ссылаться на то, что дел сейчас и так по горло, комбат все прекрасно знал и без него. «А Волкофф-то, „блюстителю чистоты рядов НСДАП“, оказывается, тот еще фрукт!» – подумалось Сергею.

– Теперь о сигнале, – комбат нахмурился. – Кроме слов обер-лейтенанта, никаких оснований подозревать своих боевых товарищей в измене у нас нет. Показания господина Волкоффа расплывчаты и туманны: какое-то сканирование, секретный код, нарушение распорядка дня – шастанье после отбоя. Ничего конкретного. Но раз обер-лейтенант настаивает на расследовании, я, в знак уважения к бундесверу, назначаю дознание. Комиссия будет состоять из командира первой роты, майора Орлова и независимого представителя от любого подразделения нашего батальона, выберете сами. Результаты дознания предоставите мне не позднее послезавтра. Вопросы есть? Вопросов нет. Все свободны. Орлов, держись.

Волкофф, с выражением явного недовольства на лице, вышел первым.

– Присмотри за ним, Орлов, – сказал комбат, когда они с Сергеем остались наедине, – прежде чем созвать совещание, я запросил его личное дело. Этот обер-лейтенант, ока-

зывается, настолько непорочен, что дева Мария рядом с ним и не стояла. Подозреваю, что вся его биография чистая «липа», но от этого не легче. Разведка, дело ясное. Только с чего вдруг разведке бундесвера копать под наших? Если этот крестonosец доберется со своими докладными до бригадного начальства, нам лучше будет узнать об этом заранее.

В общем, не упускай его из виду. А с доктором и Максимом я сам поговорю, не официально, конечно, что за игры они там устроили, понимаешь, компьютерные. Все усвоил?

– Так точно. – Сергей уважал такой подход к решению проблем: никакой горячки, все взвешенно и с соблюдением условий презумпции невиновности.

«Комбат у нас, что надо», – резюмировал про себя Орлов, отправляясь обратно на «стадион». Однако дойти до тренировочной площадки ему не удалось. На полпути Сергея ждал Волкофф в сопровождении вахтенного офицера Джи. Причем вахтенный был вооружен импульсным пистолетом, а Волкофф своим любимым «вальтером» П-88.

– Не хотите побеседовать, командир? – немец загородил дорогу своим мощным телом.

– Почему вы никак не успокоитесь, Гюнтер? – Сергей поправил кобуру с «ЗИГом», незаметно при этом ее расстегнув.

– Потому, что в вашем батальоне зреет заговор, и раскрыть его – мой долг. Ваш, кстати, тоже, – немец вытянул палец, указывая Сергею в лицо.

– Пока нет прямых улик, я буду расценивать ваши действия, как клевету и провокацию, о чем доложу вашему командованию и замначштаба бригады по координации, – Сергей говорил твердо и уверенно, – и нечего тыкать мне в лицо, господин обер-лейтенант, извольте соблюдать субординацию!

– Есть, герр майор, – Волкофф скривился и посмотрел на Джи.

Чужак молчал, внимательно разглядывая Орлова, словно видел майора впервые. На его правильном лице не отражалось никаких эмоций. Чью сторону он принял в этом споре, оставалось загадкой. Наконец, он невпопад закивал и спросил:

– Вы хорошо знаете доктора?

– Достаточно, чтобы послать вас подальше.

– Не кипятитесь, майор, мы же в одной команде, – Джи улыбнулся.

– Расскажите об этом обер-лейтенанту, – Сергей немного успокоился. – Командир батальона назначил расследование, и мне кажется, что для начала этого достаточно.

– Конечно, – вахтенный снова кивнул, – просто попрошу вас держать в курсе дела и меня.

– Могу даже включить вас в комиссию, нам как раз нужен третий член группы дознания, – Орлов поймал себя на мысли, что не знает, почему предложил это Джи, но отступить было поздно.

– Предложение приемлемо, – Джи посмотрел на Волкофа. – Вы согласны?

– Да, офицер, так будет надежнее, – немец сделал шаг в сторону, освобождая Сергею дорогу.

– Они добились своего, – Кровицкий прохаживался по кабинету Анисимова, заложив руки за спину. – Никто и не подозревает, что произошло. Никакой критичности мышления: почти все помнят, что в тот вечер их усыпили насильно, но никто не расценивает это как проявление агрессии. Все, что говорит Гость или члены экипажа, принимается за абсолютную истину. Многие не могут объяснить причины своих поступков, а в присутствии вахтенных теряют над собой контроль, выполняя их приказы, хотя экипаж для десанта начальством не является. Но, заметь, никто этому не удивился, а тем более – не возмутился. Очень напоминает торможение лобных долей мозга, как считаешь, академик?

– Не очень, – Анисимов полулежал в удобном кресле, попивая крепкий чай, – скорее напоминает воздействие Великого Дара Внушения, коим и является. Говорил я Шахрину: поставь блоки своим лазутчикам заранее – не послушался, а нам теперь расхлебывать. Где взять это чертово слово? Код этот треклятый! Я компьютер уже наизнанку вывернул – нет там ничего!

– «Ты, Шаратов, не впадай в отчаяние, не имей такой привычки!» – хрипловато процитировал Кровицкий. – Нет

в компьютере, значит, ройся в своей памяти. Неделя у нас еще есть...

– У меня в памяти столько всякой всячины, что месяца не хватит.

– Ты себя переоцениваешь, не такой ты уж и многознающий, так что трудись, Алеша.

– Уломал. Что, кстати, слышно о выходе из «прыжка»?

– Завтра, часов в семь. Постараюсь пробраться в рубку или демонстрационный зал. Надо же посмотреть на звезды, куда там нас занесло...

– Лучше в рубку. В зале на экран могут пустить видеокартинку, а в рубке есть обзорные иллюминаторы. Только сомневаюсь я, что тебя впустят. Зачем им рисковать? – доктор с сомнением покачал головой.

– Не забывай, что жертва Великого Дара Внушения никакие выводы делать не способна. Им достаточно показать на Большую Медведицу и сказать, что это созвездие Гончих Псов, и все. А я должен буду поверить. Так что никаких оснований не впускать меня у них нет.

– Оснований?! Ты за немцем следишь? Как там дознание продвигается, нас скоро арестуют или нет? – Анисимов отставил чай и сел поудобнее.

– Тебе что, надоел медотсек, хочешь каюту на карцер поменять?

– В том-то и дело, что нет. Спасибо командиры у нас доверчивые оказались, но Джи так просто не отвяжется. Мы

«под колпаком», и поэтому, я уверен, стоит тебе появиться в рубке, вахтенный начнет действовать, – Анисимов скрестил пальцы, изображая решетку.

– А я сделаю вид, что заглянул в поисках того самого Джи. Дело к нему придумаю какое-нибудь поглупее, и все «прокатит», можешь быть уверен, – капитан потер руки, – ну, а пока пойду готовиться, я сегодня по батальону дежурю. Причина, кстати, бродить где угодно, не вызывая подозрений. Почти шапка-невидимка: надел на рукав повязку и сразу же выпал из общества – все тебя видят, но никто не замечает. Красота!

– Ладно, иди. Удачной охоты. Как полюбишься звездами – сразу ко мне, – доктор потер виски, – будем думать дальше.

– Все верно, господин офицер, я вас вызывал, но не настолько срочно, – комбат сидел в постели, щурясь спростонья от света. – Но раз уж вы здесь, то скажите, вышли мы в обычное пространство?

– Да, господин полковник, четырнадцать минут назад, – Джи выглядел смущенным. – Разрешите идти?

– Да. Приходите после развода в зал совещаний. Я имел в виду это, когда просил дежурного вызвать вас, – комбат подавил зевок.

– Разрешите маленький вопрос, господин полковник, – Джи задержался в дверях, – когда вы попросили об этом дежурного, сегодня?

– Я же спал. Это было вчера, перед отбоем.

– Спасибо.

– Что-то не так?

– Нет. Все в полном порядке, досыпайте на здоровье, еще только пять утра, – Джи улыбнулся и вышел.

Комбат потянулся, выключил свет и, последовав совету вахтенного, крепко уснул.

Джи вышел в коридор и повернул в сторону, противоположную рубке, – к медотсеку. У двери в каюту Анисимова он остановился и провел рукой по серебристой стене. В месте прикосновения «серебро» растаяло, и в образовавшемся «окошечке», как на экране, появился внутренний вид каюты. Доктора в кровати не было. Джи дошел до медпункта и повторил процедуру. Анисимова не было и там. Офицер оглянулся и, убедившись, что никто его не видит, вошел в медотсек. Ему понадобилось пять минут для того, чтобы найти, и минута – чтобы «исправить» генератор помех, оставленный Кровицким. После этого он вызвал центр связи и приказал взять медпункт на постоянное прослушивание.

Когда Джи ушел, из каюты напротив медотсека бесшумно выскользнул Смит. Он немного повозился с дверью лечебницы, подбирая комбинацию доступа, а затем проник внутрь, оглянувшись перед этим точно так же, как и Джи до него. Задерживаться, правда, как вахтенный, Смит не стал. Он вынул из кармана крошечного «жучка» и, приладив его в укромном месте, покинул помещение.

Третьим посетителем оказался Волкофф, четвертым Чен, пятым француз, который едва не столкнулся, когда уходил, с Дуэро. Все оставили в углах по одному-два подслушивающих устройства. Анисимов наблюдал за всем через коммуникатор Кровицкого.

– Маппет-шоу, – сказал он, указывая на экран, – откуда они узнали, что на нас стоит поохотиться?

– Они же профессиональные разведчики, чему ты удивляешься? – ответил капитан.

– Ну, что там, в рубке?

– Все, как мы и предполагали, – Кровицкий нахмурился, – надо как-то связаться с флотом.

– Как? Вдвоем мы рубку штурмом не возьмем, а связаться можно только оттуда, – доктор махнул рукой, – придется подождать до высадки. С телевышки все передадим на спутник, а тот просигналит на гипермаяк. Флот примчится мгновенно.

– При высадке будут жертвы.

– Знаю, но выхода у нас нет.

– Найдешь код – будет.

– И это знаю. Думаешь, мне хочется доводить дело до стрельбы? Не дави на меня, Палыч, я от этого быстрее сообщать не стану.

– Я не давлю, а стимулирую, – капитан встал и направился к двери, – до вечера, тугодум.

Северо-восток. Пять месяцев назад

Процедура закончилась победой кочевников. Я не знал этого наверняка, но чувствовал, что не испытываю к «жабам» прежнего предубеждения, а значит, блок против своего Дара в моем подсознании они все-таки сняли, погрузили на двенадцать условных уровней «всплывающую команду», приложения с подробными инструкциями, какие-то специальные навыки и вернули блок на прежнее место, только немного ослабленный. Это для маскировки, чтобы наши не догадались, что меня «перевоспитывали» в застенках. Стирать воспоминания о процедуре они не собирались; признаться в том, что внутри меня сидит «жабий» агент, мне становилось невыгодно самому. Команду на такой глубине можно было стереть, только полностью уничтожив личность или вытеснив ее, внедрив контркоманду еще глубже, а двенадцатый уровень был последним, доступным современным Конструкторам. Расставаться со своей, пусть и заурядной, личностью мне почему-то не хотелось. Подожду, пока техника усовершенствуется, а уж тогда и сознаюсь.

Главное – не столкнуться с кодовым словом до этого момента. Кто закладывал код? Клайры крутились поодаль, следовательно, не они. «Степан Андреевич», дорогой, только он!

Кочевник стоял напротив, часто облизывая пересохшие губы. В лаборатории для земноводного существа было слишком сухо. Бедняга!

Помощники амфибии отстегнули меня от кресла Многоканальника и вернулись к управляющей панели. Отныне я, по их мнению, угрозы не представлял. Кочевник, видимо, думал так же, потому что улыбнулся пересохшими губами и жестом предложил пройти за ним.

Мы вышли из лаборатории в коридор и быстрым шагом проследовали к лифту. Никелированные двери закрылись и почти сразу распахнулись вновь. Хорошая скорость. Мы стояли этажом выше, на площадке перед огромным бассейном с зеленоватой водой.

– Я окунусь, если вы не против, – «Степан Андреевич» лихорадочно стянул с себя костюм и прямо в человеческом облике прыгнул в воду. Плохо стало товарищу контрразведчику в нашем климате. Ну ничего, сейчас поплавает немного и отойдет.

В дальней стене помещения раскрылась едва заметная дверь, и в нее вошли Анна и Вик. Последний нес большой флакон с голубой жидкостью. «Напиток Бодрости» – узнал я содержимое флакона. Ни одна уважающая себя амфибия не пьет то, в чем плавает, пусть ее будет мучить самая страшная жажда. Для приема внутрь у них существовало большое разнообразие напитков, самым популярным из которых был Напиток Бодрости: на наш вкус – бурда, но для кочевников

почти амброзия.

«Степан Андреевич» ловко выпрыгнул из бассейна и, продолжая облизывать губы, направился к Вику. Когда он проходил мимо меня, я слегка прикоснулся к его плечу левой рукой и оставил ее вытянутой для того, чтобы зафиксировать дистанцию. Кочевник остановился и с вопросительным участием взглянул на меня. Я улыбнулся, а когда он в очередной раз провел языком по губам, нанес ему мощный удар в челюсть снизу. Амфибия от удара подлетела над полом на полметра, рухнула спиной на кафельную тумбу и взвыла, отплевываясь бледно-розовой кровью.

Анна и Вик застыли, внимательно разглядывая мои руки. Убедившись, что оружия в них нет, они медленно двинулись в атаку, обходя меня с флангов. Шансы выстоять в рукопашном бою против двух клайров были приблизительно нулевые или меньше, но я и не собирался драться. Резко прыгнув к снятой кочевником одежде, я ощупал внутренний карман пиджака. Нет, я не знал, что там есть оружие – когда пиджак был на владельце, лацкан не оттопыривался, – но я надеялся, что чужак вооружен. Так оно все-таки и было. Редко встречающийся в обиходе, очень плоский, русский пистолет «ПСМ» калибра 5,45. Как только я снял «игрушку» с предохранителя, клайры замерли. Покалеченный кочевник сидел у края бассейна, схватившись за челюсть и непрерывно мыча от боли. Язык он прикусил сильно, если не откусил вовсе. Кодового слова ему не произнести, а пока он доберется до

чего-то пишущего, чтобы передать слово способному говорить помощнику, я буду уже далеко. Впрочем, еще дальше мне удастся уйти, взяв кочевника с собой.

– У-у-у, – выла амфибия, пытаясь показать клайрам, что следует делать, жестами.

Я обхватил чужака левой рукой за мокрую шею и, приставив к его виску пистолет, посоветовал:

– Стойте, ребята, на месте, или вашему шефу станет совсем плохо...

– Мы не ведем переговоров с террористами, – ответил Вик, извлекая из кармана небольшой импульсный пистолет, – отпусти его и останешься жив.

– Вик, не надо, – попыталась остановить напарника Анна.

– Я хорошо стреляю, дорогая, и за спиной полковника этой обезьяне не спрятаться.

Отличная идея. Я прикрывлся чужаком и прицелился в Вика.

– Воин, неужели ты настолько слеп, что не можешь отличить человека от кочевника?! Посмотри на него внимательно! – заорал я, развернув искаженное злобой и болью лицо амфибии так, чтобы на него падало побольше света, – смотри, клайр, видишь лицо истинного врага, или тебя все еще обманывает его маскировка?!

Вик немного заколебался, но гораздо внимательнее кочевника рассматривала Анна. Наконец она повернулась к партнеру и негромко произнесла:

– Алекс прав, это амфибия...

Вик покраснел и недоверчиво покачал головой. Пистолет, однако, он не опустил. Так бы мы и стояли бог знает сколько, но кочевник лягнул меня голой пяткой и попытался выскользнуть из захвата. Одновременно сверкнул выстрел Вика и стукнул, отражаясь от стен, мой. В спину мне ударили осколки взорвавшегося кафеля. Клайр промазал! Я, к слову, тоже, но для меня это было нормально, а для Воина почти невероятно. Сомневался, значит, художник. Не зря я надрылся.

Выскользнуть амфибии не удалось. Я ухватил пленника покрепче и попятился к входной двери. Вик подбросил на ладони пистолет и что-то прочирикал Анне на своем языке. Та в ответ кивнула и тоже достала оружие. Уж не влип ли я окончательно? Похоже, что нет. Клайры прошли к двери, обойдя меня за несколько метров, и осторожно выглянули в коридор. Убедившись, что за дверью никого нет, они вышли, а я последовал за ними, вытаскивая за собой упирающегося кочевника.

– Да брось ты его, – Вик недовольно оглянулся и поиграл оружием.

– Нет уж, – тяжело дыша, ответил я, – другого пропуска наружу у меня нет.

– Мы тебя выведем.

– А он заставит кого-нибудь крикнуть мне вслед кодовое слово? Нет, идем с ним.

– Тогда давай пристрелим его...

– Воин, это же пленный, его нельзя расстрелять просто так, а сотрудничать он согласен, да, кочевник? – я снова приставил к виску амфибии «ПСМ», и она кивнула.

– Вот видишь, Воин, под дулом пистолета никто не кокетничает. Веди нас к моей машине, Степан Андреевич.

Кочевник указал пальцем на лифт. Мы вошли в блестящую коробку, и амфибия нажала нужную кнопку. Лифт стремительно взмыл на пару этажей вверх и открылся. В ту же секунду никелированную обшивку над нашими головами порвала очередь из автомата.

– На пол! – крикнул Вик, «рыбкой» выпрыгивая в коридор и открывая огонь еще в полете.

Я вытолкнул следом за воином кочевника и прикрыл собой Анну.

– Убирайтесь с линии огня, – не своим голосом крикнула нежная девушка, вскидывая пистолет на уровень моей груди.

Я, упав, выполз из лифта и осмотрелся. Коридор справа был объят пламенем, горел металл и пластик облицовки стен. Среди языков пламени и клубов дыма метались тени нападающих. Их стрельба была не прицельной и беспорядочной. Вик, напротив, вел огонь спокойно, тщательно выбирая цели. Слева, метрах в десяти, начиналась уводящая наверх лестница. Кочевник полз туда. Я по-пластунски догнал его и, схватив за плечо, спросил:

– Куда собрался, полковник, в одних трусах-то?

Амфибия промычала что-то, тыча пальцем в лестницу.

– Анна, идем, – прокричал я через плечо, – выход здесь!

Клайры сделали еще пару выстрелов и побежали к лестнице, на ходу подхватывая нас под руки. Они одним рывком поставили меня вертикально и подтолкнули вперед. Преодолев длинный пролет, мы оказались на свежем воздухе. Место было похоже на внутренний дворик. Глухие деревянные ворота были заперты на старомодный железный засов, высокие каменные стены венчала колючая проволока. Небо, правда, было открытым, если не считать пары телефонных проводов. Макс стоял, как всегда, чистый и сверкающий, рядом с вороненым «БМВ». Клайры стремительно пересекли площадку и впрыгнули в «баварца». Я подхватил обессиленного кочевника под мышки и волоком потащил его к Максусу. Отойти от двери я успел лишь на два шага. Упершийся в спину ствол заставил меня отпустить амфибию и выпрямиться.

– Не вздумай звать на помощь свою ракету, зеленый человек, – пробасил некто у меня над ухом, – втаскивай полковника назад.

Я молча подчинился, со вздохом бросив прощальный взгляд на почти доступную свободу. Внизу, у основания лестницы, меня торжественно встречали несколько хмурых человек, одетых в удобные черные костюмы и с автоматами наперевес. Возглавлял компанию мужчина героических пропорций с «береттой» в мощной длани. Он был настолько огромен, что казался более инопланетянином, чем все эти

клайры и амфибии. Сунув мой «ПСМ» в карман, предводитель указал на кочевника и приказал:

– Принесите полковнику одежду...

– И наручники, – добавил я.

Гигант насмешливо посмотрел на меня и спросил:

– «Ты зачем убил моих людей, Саид»?

– Алекс...

– Это была цитата.

– Понимаю. Шутите, – я кивнул, – а вы кто будете?

– А вы?

– Я же сказал – Алекс, особый агент Планетарной Разведки.

– Откровенно, – собеседник удивился, – разрешите узнать причину откровенности?

– Причиной является ваш мнимый полковник.

– Что значит, мнимый?

– Он не человек, можете убедиться сами, если вскрыете его или просветите рентгеном. Лучше вскрыть. Признаться с помощью устной речи он пока не может.

Здоровяк обеспокоено оглянулся на кочевника и кивнул двум парням. Те взяли «полковника» под руки и подвели к нам поближе. По выражению лиц пленивших меня парней было видно, что они не подчиненные «Степана Андреевича» и раньше с амфибией не встречались. Если так, то мозги у них не загажены.

«Жабе» было чрезвычайно нехорошо, и за то, что она

попытается применить свой Дар, я не опасался. Обезвоживание не способствовало активизации мысленных процессов кочевника, и он плохо соображал, что творится. У меня мелькнула мысль напоить амфибию, но я от нее отказался, отбросив ненужное сострадание.

– Хотите знать больше? – я вооружился интонацией рекламного агента.

– Идемте в кабинет, Алекс, поговорим.

– Тех, в «БМВ», не подстрелите, пожалуйста, они не от вас отбивались, а от его, – я указал на кочевника, – подручных.

– Они тоже из Планетарной Разведки?

– Нет, они из Галактического Мобильного Истребительного Флота, – я для солидности приукрасил название клайрской службы.

– Истребительного? – человек-гора заинтересовался.

– Не волнуйтесь, угрозу Флот представляет только для земноводных. Тоже не понимаете? Ну да ладно, я объясню все подробно и по порядку.

– Ну и дела, – произнес подполковник Шахрин, выслушав мой рассказ о положении дел в Галактике, – а моя агентура здесь чуть с ума не сошла: подземные взрывы, инопланетная аппаратура, летающие тарелки поднимаются и садятся через каждые пять минут! Я думал, допились от безделья до белой горячки, а выходит, все так и есть на самом деле.

– К сожалению, да. Перестарались наши Воины, влезли

не в свое дело, а разобраться, что местным Управлением командует «жаба», не смогли, иначе Конструктор вы не увидели бы никогда, – я приложился к чашечке с крепким кофе, – в любом случае, подарок клайров был бы рано или поздно изъят.

– Это если бы мы не подоспели?

– Да. Я увез бы все улики на свою базу, и ваша жизнь вернулась в привычное русло.

– И мы остались бы на том же уровне развития, что и прежде.

– Это нормально. Изобретайте Многоканальник сами, зачем вам подсказки?

– А как же земноводные, клайры ваши и прочие? Нас того и гляди завоюют, а вы говорите – изобретайте сами.

– Отгонять «мух» от вашего «пирога» будем мы, а вы разбирайтесь с внутренними проблемами. В ближайшее время Хозяева организуют жесткий карантин, и вас не потревожит никто, я ручаюсь. Сами тоже уберемся. Я с такими процедурами уже сталкивался. Лет десять проживете самостоятельно, а там будет видно.

– Так уж и уберетесь?

– Сто против одного...

– А-а-а, ну вот здесь тогда и встретимся, когда вы «уберетесь», но захотите о чем-нибудь потолковать, – рассмеялся Шахрин, – да и за использованием Конструктора проследить не помешает. Чтобы не напортачили мои спецы ничего.

– Нет, подполковник, аппарат придется отдать, – я понимал, что он не согласится, но долг требовал от меня принять такую попытку.

Шахрин понимающе покачал огромной головой и твердо ответил:

– Нет, Алекс, Конструктор останется у нас. Теперь это собственность подразделения «Дельфин». В последнее время у нас столько серьезных проблем с финансированием подготовки спецназа, что Конструктор просто незаменим. Пока нагрянет какой-нибудь ваш карательный отряд и отберет Многоканальник у нас силой, мы успеем подготовить взвод-другой таких «пловцов», что ни одной разведке мира и не снилось. Ты пойми, упускать подобный шанс я не имею права. Не для себя же стараюсь... для всех, – Шахрин никак не мог произнести патетическое слово «Родина», видимо, боялся, что вслух это прозвучит слишком тяжеловесно.

– Сломаете, на запчасти можете не рассчитывать...

Шахрин широко улыбнулся и пожал мне руку.

– Спасибо, инопланетянин.

Я посмотрел на сидящих напротив клайров. Больше задерживаться на Земле смысла не было. Хотя и спешить особо ни им, ни мне не хотелось. Их ждал трибунал, а меня выволочка за оставленный землянам Многоканальник, неприятная роль свидетеля на суде по делу клайров и утомительное обследование на психосканерах. Худшее все же ожидало кочевника, но сейчас он этого не осознавал: утолить жажду

ему так и не позволили.

Шахрин, видимо, чувствовал наше настроение. Он немного помолчал, потом включил чайник снова и попросил:

– Расскажите мне о звездах, ребята, если не трудно... – он смущенно поморгал и закончил, – мечта моя где-нибудь там побывать.

Говоря это, подполковник показал на потолок. Я обернулся к Анне и сказал:

– У вас история побогаче, поведай что-нибудь, пока варится кофе.

Девушка улыбнулась, чуть наклонила головку и начала рассказывать легенду о Первом Воине, Великом Клайре всея Галактики.

Полет. Два дня назад

– Максим, есть разговор, зайди, – Анисимов говорил возбужденно, косясь на лежащий рядом «ноутбук».

– Сей минут, доктор Ватсон, – Кровицкий быстро собрал импульсный пистолет, который протирал, разложив на столе перед коммуникатором.

В медпункте, кроме доктора, находились два сержанта из второй роты. Оба лежали на кушетках, не подавая видимых признаков жизни. Симпатичная и проворная медсестра Женья прекратила влюбленно есть глазами доктора и теперь внимательно следила за показаниями подсоединенных к пациентам приборов. Анисимов сидел за столом, обхватив голову руками.

Капитан остановился на пороге и, прищулив глаза, осмотрел помещение.

– Новых «жучков» нет, я проверял, – сказал врач, не глядя на вошедшего.

– Вижу, – согласился Кровицкий, – Женечка, нам бы переговорить с доктором на интимную тему...

– На интимные темы разговаривать лучше со мной, товарищ капитан, – ответила, сверкнув неотразимой улыбкой, первая красавица бригады и удалилась в глубь медотсека.

– Эх, будь я холостым или красивым... – Кровицкий мах-

нул рукой, – что это за «трупы»?

– Первые ласточки. Их принесли из тренировочного шлюза.

– Где высадку отрабатывают? Разгерметизация?

– Нет, физически они здоровее нас с тобой, а вот с разумом парням пришлось расстаться.

– Что случилось, Алексей, не тяни, что у тебя за манера?

– Они пытались угнать челнок. Вахтенный включил «противоугонную систему», а оказался ею, как видишь, вариант Обучающего Конструктора. Все, как в магнитофоне, на «запись» нажали, а входящий сигнал не подали... стерли память напрочь. Жаль ребят, а еще плохо, что кодовое слово опять потеряно.

– Что?! Это ты их... надоумил? Нашел-таки код, академик?

– В том-то и дело, что не я. Но надеюсь, что данный при- скорбный случай нам поможет. Они же этот код откуда-то выискали? Лекций вчера не было, по развлекательному каналу показали три фильма плюс разговоры в столовой, курилке, на занятиях. Не думаю, что в последних случаях кто-либо вдруг решил блеснуть обновкой в лексиконе, а раз так, остаются фильмы. Два уже показывали раньше – реакции не было, третий – новый, я имею в виду, для корабельного телевидения. Следишь за мыслью?

– В целом, да, только, несмотря на стройность твоих рас- суждений, не могу понять, какая связь между кино и поте-

рвавшимся в твоём котелке секретным кодом?

– Прямая. Шахрин решил подстраховаться. Он знал, что этот фильм покажут, есть, говорят, такая традиция среди космонавтов – смотреть его перед полетом. Но, главное, мне он тоже что-то из этой картины цитировал. Код в ней, я уверен. Надо взять диск и просмотреть, тогда я его точно вспомню.

– Понятно, – Кровицкий уселся в кресло, – не хотелось бы тебя огорчать, но с этим придется подождать.

– Ты что, с ума сошел?!

– Отнюдь, просто через сорок минут мы выходим на стационарную орбиту, и расписание меняется на боевое. Жаль, что ты об этом не знаешь, доктор. Впрочем, об этом еще никто не знает. Я подслушал разговоры экипажа. Диалект у них, кстати, жуткий, совсем не как у Изгнанных, я еле разобрался. Придется тебе подождать, пока мы захватим видеотеку телецентра.

Как бы подтверждая слова капитана, по кораблю разнесся продолжительный звук, похожий на удар гонга.

– Началось, – прошептал Анисимов, складывая свой «ноутбук».

База Хозяев. Четыре месяца назад

Спроси меня кто-нибудь о самочувствии, я ответил бы: «прекрасное». Врал бы, конечно, только по-другому здесь никто не отвечает. Бодрость духа и здоровье тела – культовое сочетание для Хозяев. «Угрызения совести» – понятие для нас абстрактное, но ощутимое – для них пустой звук. Если сделал все, как положено, какие могут быть сомнения в собственной правоте?

Долг – вот наивысшая категория ментора. Долг перед обществом, в котором живешь, долг перед обществом, с которым работаешь, долг перед потомками, которым плевать: выполнял ты его при жизни или нет, пока у них есть все возможные блага. Выполнение долга ставится превыше всего. Никаких смягчающих обстоятельств. Хотел сделать как лучше? А как же долг? Не видишь результата, ну и что? Выполни свой долг, а результат проявится, когда придет время. Пристало ли винтику в колесе обсуждать работу мотора? И уж совсем не пристало вмешиваться в нее.

В общем, последний месяц я провел в покаянии. Я сидел на скучных разбирательствах трибунала над клайрами, диктовал Максу отчеты, оправдывался перед Отделом по защите Прав Военнопленных по поводу жестокого обращения с кочевником, бесчисленное количество раз подставлял голо-

ву под психосканер и ежедневно получал повестки из Отдела по Стимулированию Развития с гневными требованиями явиться на заседание с докладом о предоставленной землянам информации. Хозяин посоветовал отсылать их по известному адресу и никуда не ходить, что я с удовольствием и делал.

Все эти и суетные, и неспешные дела объединяло одно: я выполнил свой долг, но не до конца. Перестреляй Макс всех людей в том бункере, замучай я «жабу» до смерти, но вернись с Конструктором, шума было бы втрое меньше. Ни Отдел Развития, ни Защиты Пленных не сказали бы ни слова, а запись о психосканировании в мой файл внесли бы без проведения процедуры.

Хозяин, единственный, кто отнесся к моему поступку терпимо, вызвал на ковер только дважды: первый раз, чтобы внимательно выслушать мой рассказ, а второй – сообщить, что Макса у меня забирают и отныне, до неопределенного времени, я буду работать оператором охраны Центра, в должности унижительной и скучной.

На этом основные неприятности закончились, но легче жить мне не стало. На всех больших и малых совещаниях при подведении итогов упоминали мою операцию, как эталон иррациональности поведения и непонимания низшей расой основополагающих законов существующего общества. Месяц-другой, и мое имя закрепится в анналах Центра навсегда. Какая меня в этом случае ожидает карьера – трудно

представить. Или нетрудно, но совсем не хочется.

Карантин на Землю наложили, в этом я не ошибся. Флот прочесал всю Солнечную систему, убедился, что там никого нет, наставил в астероидном поясе мин, гипермаяков, автоматических орудий и прочей сигнальной техники и убрался на базу. Начальство Флота, кстати, о своих попавшихся лазутчиках молчало, как стая рыб. Ждали, видимо, пока уляжется скандал. А мне воинов было откровенно жаль. Ну, выручит их адмиралтейство из ссылки, а дальше им что делать? Кто их с таким послужным списком примет на работу? В частные охранники разве что? Это клайров-то! Да они повесятся скорее, чем согласятся на подобное.

Планетарная Разведка с Земли тоже съехала. Агентуру из местных жителей «законсервировали» до лучших времен, спрятав воспоминания о сладких деньках служения Галактике в их подсознание поглубже. Многоканальник группа захвата привезла в виде хорошо пропеченной бесформенной массы деталей. Его торжественно выбросили в перерабатывающий конвертер, даже не занося внутрь Центра. В ответ на мои вопросы о потерях, возникших в процессе захвата прибора, командир группы пожал плечами и ответил:

– Десяток аборигенов да один раненый у нас. В пределах нормы, и долг выполнен.

Что я мог сказать? Молодец. Мне бы такую убежденность в собственной непогрешимости. Только где ее набраться недоразвитому землянину?

Обо всем этом я размышлял, медленно прогуливаясь перед резиденцией Хозяина. Он вызвал меня снова. До назначенного времени оставалось несколько минут, и я пытался настроиться на разговор, тем более что суть его могла быть какой угодно: от повышения до полной отставки. Наконец, вдоволь надышавшись свежим воздухом, я решился и вошел в мерцающий силовыми полями шатер Хозяина Планетарной Разведки.

– Садись, Алекс, кажется, так принято на Земле? – приветствовал меня Хозяин.

– А вы не знаете? – парировал я тоном человека, которому терять уже нечего.

Так, собственно, и было. Ниже оператора охраны на иерархической лестнице стоял только оператор перерабатывающего конвертера.

– Полно, юноша, не сердись. Так было надо, и я точно знаю, что ты это понимаешь.

Я удрученно кивнул. Понимаю, чего тут непонятного?

– Мы оставили Землю на время карантина, – констатируя этот факт, Хозяин лучезарно улыбнулся. – Как ты считаешь, это правильно?

Я облегченно вздохнул. Чертовски приятно быть снова в деле.

– Ты всегда схватывал мои мысли на лету. – Хозяин помолчал и продолжил: – Возвращайся в свой регион. Сеть твоя там свернута, но на время профилактики она и не нуж-

на, будет достаточно общего анализа. Разведбот дать не могу, машина инвентаризованная, но помощника выделю. Следи за событиями, Алекс, очень внимательно. На сей раз мы задели амфибий более чем серьезно. В подземных укрытиях, разбросанных по всей Земле, плескалась целая колония, около миллиона особей. Такой братской могилы не было ни на одной планете, и кочевники нам этого не простят. Они обязательно вернуться, несмотря на все ухищрения Флота. Их надо будет выследить, выяснить, что они затевают, и найти способ сообщить об этом в Центр, не засвечивая нарушение Планетарной Разведкой зоны карантина. Задача не из легких, но выполнить ее способен лишь ты. Доставит тебя на планету мой личный «Призрак». Напарник ждет снаружи. Подробности связи оговоришь с пилотом. Все, иди, я на тебя надеюсь.

Хозяин ободряюще улыбнулся и похлопал меня по плечу. Я поклонился и вышел, а что мне оставалось?

На «улице» перед резиденцией прогуливался бодрый худощавый субъект лет тридцати, одетый до боли по-земному: удобные туфли, джинсы, короткая куртка. На плече у него висела большая спортивная сумка, а голову венчала черная бейсболка. От прохладного воздуха он слегка пошмыгивал острым носом и почти не фальшивя напевал какую-то мелодию. Увидев меня, он широко улыбнулся и, сбросив сумку на землю, заорал:

– Привет, начальник!

Я опешил.

– Макс?! Это ты?

– А то кто же?! Корпус вот только сменил, да характер улучшил. Я теперь не ворчун, а балагур-весельчак! Ну, чтобы ты не скучал. Я просил их женское тело свинтить, чтоб тебе не только не скучно, но еще и приятно было, – отказались, слишком, говорят, сложно программу искусственной личности для женщины писать, почти невозможно. Ну, я не стал настаивать, раз так. Правильно, начальник?

– Правильно, Максик, только учти: ты теперь не бесформенный разведбот, ты имеешь собственное лицо... назовешь меня еще раз начальником, я тебе его расквашу, понял?

– Понял, товарищ Главный Разведчик! Когда вылетаем?

– Немедленно.

Высадка. Вчера. Из записей Орлова

«Бригада высаживалась в том же порядке, что и стартовала. Нам повезло больше других – мы садились на ночной стороне планеты. Раскинувшийся внизу город крепко спал, не подозревая, что в его истории наступил переломный момент. Широкие улицы, освещенные молочным светом ночных фонарей, сонно пульсировали запоздалыми машинами и уборочными механизмами. Редкие деревья, похожие на наши клены, играли рваными тенями в монотонном свете уличного освещения. Прохожие, в основном подгулявшие или влюбленные, медленно бродили по тротуарам и замусоренным дворикам. В небо никто не смотрел и потому не видел, как наш десантный транспорт под прикрытием двадцати атмосферных истребителей бесшумно приземлился рядом с телевышкой. Стройная конструкция светилась зелеными огнями от основания до макушки. Истребители сделали над нами круг и скользнули на юг, в сторону основной в этом городе базы Диктаторских войск. В их задачу входила бомбардировка, если армия поднимется по тревоге раньше, чем мы включим на телестанции свою вещательную аппаратуру.

Зевающий охранник за стеклянной дверью телецентра по-лулежал в кресле, уставившись в телевизор. Кровицкий вывел свой взвод на исходную позицию и скомандовал «приго-

товиться». Я, разместив своих подчиненных по отработанной на тренировках схеме прикрытия, отошел к машине техников. Аппарат Альтернативного Вещания, как его называл Джи, был заранее настроен, оставалось установить его на вышке и включить в электросеть. В группе охраны аппарата числились Волкофф и Смит.

– Начали! – голосом Кровицкого рывкнул динамик моего боевого шлема.

Штурмовой взвод двинулся к телецентру сотни раз отретированным порядком.

С оглушающим на фоне ночной тишины звоном разлетелась входная дверь. Жестяным колокольчиком зазвенела примитивная сигнализация. Авангард из трех десантников стремительно ворвался в вестибюль. Сонный охранник выказал хорошую реакцию, мгновенно упав на пол, выхватив из кобуры пороховой пистолет и открыв довольно точный огонь. Боевые костюмы на солдатах проявили себя, как всегда, отменно. Ни одна из попавших в десантников пуль не причинила ни малейшего вреда. Правофланговый полоснул из винтовки по системе сигнализации, а центральный срезал точным выстрелом охраннику половину черепа. Что было дальше, я не разглядел, потому что в вестибюль ринулась основная масса бойцов и за их спинами увидеть что-либо стало невозможно.

Шла вторая минута. На середине вышки зажегся желтый огонек первого наблюдателя. Он подстраховывал мой взвод,

осматривая окрестности на случай прибытия «тревожной группы» местной службы охраны порядка. Прошла еще минута, прежде чем он сообщил, что к нам приближается экипаж с «мигалкой».

– Чен, ситуация два, – приказал я китайцу.

Чен козырнул и скрылся в темноте близлежащего двора. Краем глаза я увидел отблеск вспыхнувшего за углом секундного боя и через мгновение – возвращающегося лейтенанта.

– Машина даже не бронированная. Двое все-таки выскочили, но выстрелить не успели.

Что и говорить, по скорости реакции Чену равных не было.

Четыре минуты. Огонек второго наблюдателя зажегся на шпиле. Телецентр взят. Точно по графику, ни одного лишнего звука, никаких потерь.

– Тащите бандуру, – крикнул Кровицкий, – грузовой лифт слева от входа.

– Командир, с востока приближаются еще три машины с мигалками, – ворвался в эфир голос первого наблюдателя.

– Чен, ситуация четыре, – снова обратился я к лейтенанту.

На этот раз с ним ушли Дуэро и Жильбер. Смит и Волкофф подхватили тяжелый ящик с прибором и побежали к двери телецентра. Техник семенил рядом.

На установку прибора по графику отпускалось двадцать три минуты. Мы за это время должны были отразить все воз-

возможные атаки и установить защитный периметр из силового поля против наземных целей, импульсные пушки против воздушных, а также развернуть площадку для гравитационных минометов, предназначенных для запуска снарядов на дистанцию вне прямой видимости. Правда, с началом вещания необходимость в строгой охране вышки становилась не слишком острой, но как говорил Гость, переходный период будет, и будет он не таким уж коротким.

Пока воины Кровицкого трудились на монтаже периметра, мы бдительно пялились в спящие окна домов и серые тоннели ночных улиц. Вспышки, ознаменовавшие встречу группы Чена с охранниками, внесли некоторое разнообразие в наше времяпрепровождение, но чаще других новостями делился все-таки наблюдатель с вышки:

– Товарищ майор, на юге запылало.

– Стефания, что там слышно от истребителей? – я взял девушку за плечо.

– Они нанесли упреждающий удар, – хмуро ответила итальянка.

– С ума посходили, что ли?! – я чуть не задохнулся от возмущения. – Что-нибудь для нас передают?

– Нет, приказывают соблюдать график при любых обстоятельствах.

– Соедини меня с ротным...

Никакой ясности в положение дел не внес ни ротный, ни комбат. Десант повсюду действовал успешно, малой кровью,

а воздушное прикрытие бомбило военные части, не предлагая сдаться, до полного уничтожения. Лично мне такой подход совсем не нравился.

Вещание началось точно в срок. Обер-лейтенант и капрал остались у аппарата, там же пока находился и Кровицкий. Я прогуливался перед зданием телецентра внутри силового ограждения, наблюдая, как выползающие с рассветом на улицу заспанные аборигены восторженно приветствуют стоящих в охране десантников. Прибор, видимо, начал действовать. Любой, взглянувший с утра пораньше на телеэкран или услышавший радиоприветствие, прозревал и начинал понимать, что часы диктатуры сочтены, а значит, можно, не боясь репрессий, приветствовать освободителей. Мощный аппаратик для пропаганды. Хорошо, что он в наших руках. Доберись до него кто-нибудь с дурным замыслом – всем была бы «крышка» в планетарном масштабе.

В свете наступающего утра я разглядывал обступивший меня город. Архитектурные изыски аборигенам были чужды. Однотипные многоэтажные дома с облезлыми углами были сложены из искусственных плит, облицованных бледной мозаикой. Мутные окна с деревянными рамами то там, то здесь оживали тусклым желтым светом. Слышалось хлопанье дверей, голоса горожан, урчание и фырканье чудовищно дымящих моторов местных машин, чириканье примитивных птах – аналога наших воробьев и отзвуки работающих телевизоров. Цепная реакция любопытства действова-

ла в соответствии со всеми законами ядерной физики. Пусть и не слишком высокоразвитое, но достаточно индустриальное общество не мыслило, как можно узнать новости в обход телеэкрана. Интерактивность телевидения приучила население тянуться к «ящику» за ответами на все вопросы. Что-то творится на площади перед студией? На телевышке новые «антенны»? Хотите узнать побольше? Все сейчас будет, только оставайтесь с нами! По правде говоря, в данном случае ничего подобного не происходило. Люди лихорадочно включали телевизоры, пытались найти знакомые программы, но тут же попадали под пресс пропаганды. По всем каналам выступал Гость. Он подробно объяснял телезрителям, как они жили раньше и как им жить предстоит. Диктатура свержена! (Не факт, конечно, но почти правда, и я его понимаю: немного приукрасить надо, тем более что не пройдет и суток, как это станет правдой абсолютной.) Наступает «Золотой Век»! Войска освободителей помогут наладить новую жизнь!

К небольшой площади перед телецентром начали подъезжать уродливые экипажи. Лично у меня, на месте аборигенов, к дизайнерам и производителям подобных шедевров автомобильной моды возникли бы самые резкие замечания и вопросы. Первый – «почему бы вам не сменить профессию?» Автолюбители покидали машины, присоединяясь к ликующим прохожим, и вскоре на площади возник серьезный зазор из людей и техники.

– Майор, – окликнул меня офицер Джи, – необходимо очистить площадь, иначе они сместятся к ограждению и покалечатся о силовые поля.

– Да, пожалуй, но управлять такой толпой практически невозможно, а пугать ее мне бы не хотелось. Это может навредить налаживающимся взаимоотношениям.

Джи задумался и, соглашаясь, слегка наклонил голову.

– Капитан, – обратился он к Кровицкому, – прикажите принести что-нибудь в качестве импровизированной трибуны, чтобы меня было видно отовсюду.

– Вождь с броневичка выступить желает, – заорал, паясничая, Кровицкий, – Кочетков, неси тумбу из аппаратной.

То, что говорил с «трибуны» Джи, собравшиеся граждане наверняка слышали в телевыступлении Гостя, но внимание, с которым толпа внимала пришельцу, просто поражало. Про себя я отметил, что и десантники стоят, не шелохнувшись, словно замороженные речью офицера. Сам я воспринимал ее как логичное и толковое объяснение политической программы нового правительства. Ничего обворожительного, но я – это я. Пусть послушают лишний раз, если нравится.

– Командир, – моя очаровательная связистка вышла из кабинета, где расположился наш с Кровицким штаб, – ротный приказывает начать операцию «Шум дождя».

Романтики. Как и говаривал в свое время Дуэро. «Шум дождя» – это потому, что мы должны сейчас обойти все лавки, торгующие телевизорами, и убедить хозяев выставить

свой товар в витринах и на максимально возможное расстояние вверх и вниз по прилегающим улицам включенным. Таким образом, где бы абориген ни находился, он был обречен увидеть выступление Гостя, присутствующее везде на улицах, как дождь, и слышимое там, где не присутствует, как его шум. Такой вот романтический натиск.

До пятой лавки хозяева от сотрудничества не отказывались. Они с удовольствием выставляли супермодные и дорогие «ящички» прямо на мокрый после ночной уборки асфальт тротуаров, соревнуясь при этом, кто развернет самую длинную «кабельную сеть».

В пятой по счету лавочке произошел неприятный инцидент. Хозяин вышел нам навстречу с дробовиком, и, не слушая никаких объяснений, выстрелил дуплетом Дуэро в живот. Испанца отбросило на пару метров, и, когда он поднялся, остановить его я не смог. От выстрела «МПТ» строптивый лавочник лишился всех внутренностей, и его место занял помощник, который, побледнев, принялся выставлять товар с такой скоростью, что один из телевизоров просто уронил, конечно же, разбив его вдребезги.

– Странно, майор, – ворчал недовольный испанец, осматривая свой костюм, – что на старичка нашло? Такой благообразный, прямо Санта Клаус, и на тебе...

– Поймешь их, аборигенов этих, вы на физиономии их взгляните, – Чен рассмеялся, – они же на четверть все дебилы!

– Шовинист вы, товарищ лейтенант, – вступился за местных француз, – это же не Пекин, а другая планета. Да, похожи грунмарцы на землян, поэтому Гость к нам за помощью и обратился. Но это не означает, что мы должны со своими мерками подходить ко всем аспектам их жизни.

Утро наступило окончательно, и по улицам побежали стайки детворы, бодро зашагали группки и пары взрослых. Машин стало ощутимо больше, и все двигались в одну сторону – к телецентру. К этому моменту там остался только небольшой отряд охраны и штаб. Остальные работали в городе. Мы не спеша брели против течения народа, не успевая отвечать на бесчисленные приветствия. Солнце начинало припекать, и поскольку больше на нас нападать не собирались, я разрешил открыть лицевые щитки шлемов. Дышалось прекрасно. Не искаженные фильтром запахи весны напоминали о далеком доме и таком нереальном теперь прошлом. Приятные ароматы готовящейся пищи дразнили и отвлекали от основного занятия. Я вспомнил, что с момента последнего ужина прошло не меньше восьми часов. Возвращаться в штаб было рановато, но желудок ничего об этом знать не желал.

– Не испытать ли нам острых ощущений? – неуверенно предложил Дуэро, указывая на ближайшую харчевню.

– Хочешь подхватить какую-нибудь экзотическую кишечную болезнь? – одернул его Чен.

– У нас чудо-доктор, не говоря уж о медсестре, на ее руках

я готов умереть.

– На руках или на груди? – уточнил Жильбер.

– Ты как истинный француз понимаешь меня лучше других. Так вот, медицина нам поможет, а сейчас важнее всего сохранить боеспособность, то есть – перекусить!

Я с подозрением осмотрел грязноватую забегаловку, но согласился. Пластиковые столики, вилки, стаканчики, основное блюдо напоминало остатки с банкетной тарелки – столько было намешано всякой всячины поверх плохо пропеченной злаковой лепешки. Запивать все это предлагалось каким-то странным напитком, вызывающе коричневым и шипящим от избытка углекислоты. Никаких денег с нас, естественно, не требовали. Весь обслуживающий персонал с восхищением разглядывал нашу амуницию, оружие и умилялся тому, с каким аппетитом мы приобщаемся к грунмарской культуре питания. Вкус, кстати, у блюда оказался неплохой.

– Жить можно, – подвел итоги завтрака Дуэро, подавив подкатившую после напитка отрыжку.

– А герр Волкофф сейчас сухим пайком, наверное, пробавляется, – Чен усмехнулся, – и со Смитом спорит. Надо бы им прихватить в подарок горяченького, а, командир?

– Прихвати, только пока дойдем, все остынет, – я ответил рассеянно потому, что заметил, как сидящая в углу девушка изумленно смотрит прямо на меня.

На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать, по земным

меркам, конечно. Довольно симпатичная, хотя до землянок местным красавицам далеко, но главное: она смотрела так, словно узнает меня и никак не может понять, почему я не отвечаю ей тем же. Я присмотрелся к ней повнимательнее. Нет. Уверен на все сто. Будь мы на Земле, я, может быть, и оставил треть процента на тот случай, что она болела за меня на Играх, поднесла среди прочих какой-то букетик и теперь считает, что я должен был запомнить именно ее, а я, естественно, бедняжку и не рассмотрел, но здесь Грунмар. Поэтому я улыбнулся и продолжил завтрак.

Мы почти закончили прием пищи, когда в открытую дверь вкатился небольшой цилиндр, на поверку оказавшийся дымовой шашкой. Отработанным жестом я надел шлем и включил фильтр. Посетители и персонал подняли невообразимый шум, в панике выбегая на свежий воздух. Мы не спешили. Очевидно, что на улице нас ждали некие террористы, не видевшие телешоу Гостя и К°@@.

Чен подошел к витрине и попытался рассмотреть, что творится по другую сторону стекла.

– Дохлый номер, – наконец признался он, – придется выйти, командир.

– Осторожнее, лейтенант.

– Что они могут сделать против таких доспехов? – китаец активировал винтовку и шагнул за порог.

Сквозь дым я увидел, как полыхнула молния боевого лазера, а следом простучали пять или шесть громких выстрелов.

лов какого-то мощного порохового оружия. Наши костюмы испытывались главным калибром. Я приказал выходить, и мы, быстро покинув харчевню, рассыпались по улице, разыскивая взглядом стрелка схватившегося с Ченом. Сам лейтенант лежал на тротуаре, тяжело дыша и отплевываясь кровавой слюной. По его одежде растекалось три красных пятна: на груди, животе и бедре.

– Стеф, вызывай Анисимова, Жильбер, доставь Чена в штаб вон на той повозке. – Я указал на стоящий у обочины экипаж с согнувшимся от страха извозчиком, – Амиго, пойдем посмотрим, где засел неприятель. Стеф, догоняй.

Я командовал не волнуйся, ситуация заставила вспомнить уроки концентрации внимания, которые так помогли на Играх. Мысль о состязаниях напомнила о старом друге, заскучавшем в полете без дела. Я закинул винтовку за спину и достал «ЗИГ-Зауэр». Ну покажись, вражина, если не трусишь! Я медленно пошел вдоль улицы, разглядывая дома от прямков до балконов и крыш. Пройдя сотню метров, я обернулся. Чуть позади шел Дуэро. По противоположной стороне улицы кралась сосредоточенная Стефания. Прохожие, далеко позади, жались к стенам и подворотням, и только одна фигурка следовала за нами шагах в тридцати: девчушка из кафе. Странно, что за любовь с первого взгляда ее обуяла? Идти на такой риск из-за незнакомого инопланетника, с чего бы? Я подал знак своим подчиненным пройти немного вперед без меня и остановился поджидая девушку.

– Ты хочешь что-то рассказать? – спросил я, когда она подошла.

– Нет, – она смутилась, – а вы не можете открыть эту штуку еще раз?

Она показала на лицевой щиток моего шлема.

– Зачем тебе это? – я удивленно помотал головой.

– Я никак не могу понять, обозналась я или нет, – девушка натянуто улыбнулась, сознавая, видимо, насколько абсурдно ее предположение.

Где можно увидеть пришельца, чтобы впоследствии узнать его при встрече? Во сне? В девичьих мечтах о принце? Я, конечно, не урод, но на принца вряд ли тяну. Да, заинтриговала, малявка... Скорее всего это ловушка. Вот сейчас открою «забрало», и объявится снайпер. Впрочем, лейтенанта подстрелили сквозь костюм – первый случай в бригаде, так что снайпер, захоти, разделал бы меня еще у дверей забегаловки.

Я вздохнул и поднял щиток.

Девушка несколько долгих секунд смотрела мне прямо в глаза, а потом улыбнулась и произнесла:

– Суорвил, это ты? Я Нарипрель, помнишь меня?

Я удивленно вытаращился на грунмарку и отрицательно покачал головой. Объяснения происходящему у меня не было. В тот же момент боковым зрением я заметил движение на краю крыши противоположного дома. Грохот выстрела снайпера, скороговорка «ЗИГа» и крик Дуэро слились в один

кошмарный аккорд. Стрелок медленно перевалился через край водостока и рухнул рядом с замершей Стефанией.

Я отстранил с пути свою новую знакомую и подбежал к испанцу. Тот дрожал, кусая побледневшие губы и пытаясь зажать рукой огромную рану на левом плече.

– Стеф, перевяжи и вколи промедол, – приказал я, а сам принялся исследовать труп врага.

Черная одежда, шапочка-маска, несколько запасных обойм на поясном ремне, длинный десантный нож и хорошие полувоенные ботинки. Местный спецназ, не иначе. Винтовка у диверсанта была похлеще наших лазеров. Я открыл затвор и на лету поймал выскочивший патрон. Ручная зенитка, а не винтовка. Таким патроном только гусеницы танкам отстреливать, а не по пехоте лупить. Впрочем, мы в наших противоположных костюмчиках и есть сверхлегкие танки повышенной проходимости.

– Стальной сердечник, – раздался над моим плечом высокий голосок.

Я обернулся. Наприпрель... черт, как же ее зовут... стояла рядом и внимательно разглядывала патрон.

– Возможно, – согласился я, – а ты откуда такие слова знаешь?

– Мой папа военный, – гордо вскинула она голову и уже тише добавила: – Был. Он, как и этот, не понял, что вам сопротивляться не надо, и теперь... был...

– Мне очень жаль твоего отца, девочка, но... – что «но»,

я не знал.

Труднее всего найти оправдание поступкам, которых ты не совершал.

– Что происходит, Суорвил? – глаза Нарипрель наполнились слезами. – Я ничего не понимаю.

Я сам не понимал. Во-первых, почему она это спрашивает и почему именно у меня. Во-вторых, почему она решила, что мы знакомы. И в-третьих, почему у меня так паршиво на душе?

Северо-восток. Четыре месяца назад

Вход в знакомый дворик был по-прежнему закрыт на старомодный засов. На мой стук сиренево-черный глаз камеры наблюдения повернулся на нужное количество градусов и замер, фокусируясь. Прошло минут пять, прежде чем скрипнула калитка и хмурый, одетый в удобный полувоенный-полуспортивный костюм, охранник впустил нас внутрь.

– Я знаю куда идти, – в ответ на указующий жест сказал я и усмехнулся.

Охранник пожал плечами и молча проследовал за нами до того места, где Шахрин взял меня месяц назад в плен. Здесь первого сопровождающего сменил второй, не менее хмурый и молчаливый. Он привел нас в тот самый кабинет, где Анна забивала голову подполковнику галактическим фольклором. Я сразу же плюхнулся в удобное кресло. Ходить рядом с Максом гораздо утомительнее, чем летать на нем. Бодрый кибер или теперь уже – киборг (жутковато звучит для душики Макса, не правда ли?), встал лицом к лицу с проводником и, улыбаясь, уставился ему в глаза.

– Ну, ну, – подбодрил он насторожившегося охранника, – давай, соври нам, что шеф на совещании в городе или вызван на Тихоокеанский флот для кормления боевых дельфинов.

Охранник молчал, но глаза его слегка забегали, а щеки

покрыл едва заметный румянец.

– Мы будем ждать его вечно, родной, так что неси нам кофе и одновременно зови подполковника.

– Вечно ждать вас никто не заставляет, – раздался голос ввалившегося в кабинет Шахрина, – что это за фрукт с тобой, Алекс?

– Новобранец со звездной болезнью, – я улыбнулся. – У него от причастности к такому великому делу, как наше, голова уже три дня не на месте. Здравствуй, подполковник.

– Здравствуй, зеленый человечек. Как дела? – в голосе Шахрина легко определялось напряжение. Он скрывал важную вещь, и скрывал ее именно от меня.

Я решил не ломать комедию и оговорить все детали будущих взаимоотношений сразу.

– Давай проясним ситуацию, чтобы не подбирать слова, а разговаривать непринужденно. Твой трюк с «запеканкой» из Конструктора удался. Не знаю, где ты взял столько инопланетных микросхем, но в то, что этот жареный плевок и есть остатки Многоканальника, на Базе поверили. Все, кроме меня, как видишь ...

– И меня, конечно, – встрял Макс, махнув рукой, как заядлый рэпер.

– Ты хочешь исправить ошибку вашей ударной группы? – подполковник скрестил на груди огромные ручищи.

Я выдержал паузу, чтобы показать, что при виде его слов ничем особым не проникся, и спокойно ответил:

– Я хочу устроиться на работу.

Шахрин выпучил глаза и, расслабившись, откинулся в кресле.

– Тебя уволили? – Он подался вперед, – уволили из-за меня?

– Не совсем... – я ответил неуверенно.

Пусть переживает, что из за него.

– Что не совсем-то?! Что не совсем?! Я же вижу! И на кого ты сейчас работаешь? Этот «крендель» с тобой для чего? Если напарник – значит вы на службе. У кого?

– Это Макс, – ответил я на все заданные вопросы сразу.

– В каком смысле? – Шахрин недоумеваая посмотрел на скучающего кибера.

– В том самом, генерал, – ответил за меня Макс, – месяц назад я стоял у вас во дворе в виде «ракеты», как вы изволили выразиться. Ну, а теперь... скромные чудеса галактической техники. Прошу любить и жаловать.

– Значит, вы все еще в разведке?

– Нет, мы теперь в твоём распоряжении, с некоторой долей самостоятельности. Я же обещал, что чужаки уберутся с Земли?

Шахрин кивнул.

– А еще я обещал, что произойдет это с точностью до девяноста девяти процентов... Так вот, карантин на планету наложен жесточайший. Не припомню такого нигде. Но накладывала его Планетарная Разведка, так что... Мы остались

как подстраховка карантина – наблюдать и делать выводы.

– Согласен, что и за хорошим забором стоит держать собаку. Вы оставите нам Конструктор?

– Более того, Макс за ним присмотрит.

– Идет. Все мои информационные каналы к вашим услугам, только не шпионьте для кого-нибудь еще.

– Разве цепные собаки кусают хозяев усадьбы? – исходя сарказмом, вмешался Макс.

– Этот вот... робот, считается подчиненным в вашей паре или начальником? – Шахрин поморщился. – Почему он лезет, когда его не спрашивают?

Я снова улыбнулся.

– Он считается равным по званию и первым «замом» по должности, так что право голоса все же имеет.

– Вот так! – надувшийся Макс снова рубанул ладонью воздух.

– Не замечали в последнее время ничего необычного? – я перешел непосредственно к своей работе.

– Тишина, – убежденно ответил Шахрин, разливая кофе по чашкам.

Наливая третью, он вздрогнул, словно очнулся от задумчивости и покосился на Макса.

– Наливай, наливай, – Макс искренне рассмеялся, – не заржавею, не бойся.

Комнату нам подполковник определил рядом с лабора-

торией, где стоял Многоканальник, светлую и просторную. Макс затолкал наши сумки в стенной шкаф и, усевшись за стол, принялся ковыряться в портативном компьютере местного производства. Я, не раздеваясь, завалился на кровать и, закрыв глаза, мгновенно заснул.

– Эй, коллеги, подъем, – пробасил за дверью Шахрин.

– Что, уже утро? – спросонья не понял я, садясь на койке.

– Нет, к нам гости, – распахивая дверь, ответил разведчик. – Кто-то начхал на ваш «жесточайший карантин» и завис чуть дальше Луны. Пойдем, взглянем, может, узнаете?

На вполне сносных фотографиях был отчетливо виден крейсер дальней разведки клайров.

Пораженный не меньше меня, Макс молчал. Я постучал по глянцевой карточке пальцем и произнес очень раздельно:

– Этого не может быть. Чтобы клайры нарушили решение Совета Галактики – не поверю, хоть убей.

– Почему? – Шахрин пожал плечами. – Один раз они уже нарушили действовавший порядок, почему бы не попытаться вновь?

– Потому что тогда имело место проявление излишней инициативы, порыв выполнить свой долг, а сейчас это явное нарушение приказа, – ответил я. – Основа жизни клайров – дисциплина и выполнение долга. Это не могут быть они.

– Ну ты даешь! – воскликнул Макс, – а кто же, по-твоему, прилетел на крейсере? «Жабы», что ли?

Я замер и уставился на кибера, пораженный смелостью

предположения. Макс, увидев мою реакцию, интенсивно замотал головой.

– Нет, шеф, только не это!

– Почему ты так уверен? А как же случай со «Степаном Андреевичем»? Проницательность у воинов нулевая, поэтому твоя версия может быть не такой уж невероятной.

– Вот послушай, – не сдавался Макс, – чтобы захватить корабль, кочевникам надо на него для начала пролезть, так? Проковырять дырку в корпусе не под силу даже самим клайбрам, а не то что амфибиям на их разнокалиберных лоханках. Это раз. В каком-нибудь порту проскользнуть мимо охраны тоже невозможно. Она автоматическая и влиянию Великого Дара не поддается. Это два. Построить такой же, как у клайбров, крейсер могут только сами клайры. Это три.

– А кто сказал, что это такой же крейсер? – вмешался в наш спор Шахрин.

Я задумался. Действительно, внешность часто бывает обманчива. Обшить космическую ванну так, чтобы она походила на другую, совсем не сложно, а отличить подделку можно будет, только подойдя к ней километров на пятьсот. А кто вас подпустит так близко?

– Человек-гора прав, – согласился Макс, – любимое занятие амфибий после купания – обманывать народ наиболее доступным способом.

– Если все так, как мы предположили, лучше сразу вызвать Мобильный Флот. «Жабы» прилетели наверняка не

брататься. Здесь, чуть глубже плодородного слоя, недавно упокоилось что-то около миллиона их сородичей, – сказав это, я покосился на подполковника.

Шахрин, услышав цифру, прикрыл глаза рукой и пробормотал:

– Удружили, нечего сказать.

– Хозяева считали, что Земле месть амфибий не грозит, не вы же их похоронили в тех подземных озерах.

– Просчитались, выходит, теоретики, – гигант стал мрачнее тучи.

– Подожди гневаться, о великий и могучий, – попытался разрядить обстановку Макс, – пришельцы пока ничего не предприняли. Может быть, они действительно клайры. Ну, с курса сбились или надрались все до поросычьего визга и планеты перепутали. Их Грунмар знаешь как похож на Землю – близнецы-братья!

– Грум ... чего?

– Грунмар. Я там бывал несколько раз. Когда меня назначили в пару Алексу, думал, что программа съехала. Высаживаемся на Земле, а вокруг Грунмар, да и только!

– Хватит аутотренингом заниматься, – перебил я кибера, – у Грунмара два спутника, а клайры не пьют и навигационные компьютеры у них не ломаются.

– Ну, я же только предположил, – начал оправдываться Макс, но осекся и замолчал, глядя на фотографию.

– Придется ждать, – сделал вывод я.

– Чего? – спросил Шахрин, поднимая на меня тяжелый взгляд. – Пока нас всех зажарят? Вызывай свой дебильный флот...

– Мобильный, – не прочувствовав насмешки, поправил Макс.

Я развел руками.

– Не могу, начальник, – Макс, услышав мое обращение к подполковнику, чуть не свалился с кресла, – нас здесь как бы нет. Все, что мы в состоянии сделать – это передать с курьером сообщение Хозяину Планетарной Разведки. Через неделю. Чаще связной сюда прилетать не может.

– И у вас нет никакой системы экстренной связи?

– Абсолютно.

– А если возникнет угроза твоей жизни? – Подполковник указал на фото. – Угроза поджариться вместе с планетой?

– Тогда курьер обнаружит скучающего Макса с моими соображениями насчет произошедшего в памяти.

– Да ты патриот, – Шахрин невесело усмехнулся.

– Товарищ подполковник, ЦУП на связи, – прервал наш разговор голос оперативного дежурного.

– Что у вас? – поднеся трубку телефона к уху, спросил Шахрин.

Несколько секунд он слушал сообщение, затем лицо его прояснилось и из груди вырвался невольный вздох облегчения. Он сложил трубку и, посмотрев на нас уже веселее, чем минуту назад, сказал:

– В Неваде сел челнок с этой штуковины. Два пилота и капитан. Американцы на этот раз решили не скрывать контакт. Говорят, Гость настоял. Настроен чужак мирно, хотя кое-какие странности есть. Имени своего, например, не называет, сложное говорит. Но адрес планеты и созвездия указал. Угадаете какой или подсказать?

– Грунмар, созвездие Лиры по-вашему, – ответил, хмурясь, Макс, – и все же я ему не верю. «Жаба» он, я нутром чувствую. Надо бы поближе пришельца рассмотреть. Как, подполковник, это можно устроить?

Шахрин пожал плечами.

– Прилетят к нам – устрою, а нет... так устрою чуть позже. Ну что, досыпать будете или работать пойдем?

– Какой уж тут сон, – ответил за меня не нуждающийся в отдыхе Макс.

– Тогда давай Многоканальник настроим. Первая партия добровольцев в супермены уже прибыла.

Вчера. Одиннадцать часов после высадки

Сергей сидел в штабном кабинете и, обжигаясь, пил большими глотками только что заваренный чай. Кровицкий прохаживался по штабу, заложив руки за спину, и угрюмо сопел. В смежной комнате Анисимов развернул походный медицинский пункт. Дуэро под действием лекарств заснул. С Ченом дело обстояло сложнее. Перевозить раненых на корабль доктор запретил, Чена могли не довести. По требованию врача, техники доставили с орбиты необходимое оборудование, и операцию развернули прямо в телецентре. Анисимов и Женя пропадали за стерильной занавеской уже два часа.

– Бронебойными, значит, бьют. Сообразительные, – Кровицкий сунул руки в карманы.

– Я знаю, что не могу понять: почему ко мне та девчонка привязалась? В засаду заманивала, что ли? – Сергей вопросительно посмотрел на капитана.

– Не думаю, – Кровицкий как-то странно покосился на майора. – Телевизоры расставили?

– Да. Только это дохлый номер, я уверен, – Орлов махнул рукой. – Перебьют их снайперы. Как и нас.

– Что за пессимизм, чемпион? – капитан похлопал Сергея по плечу.

– Причина там, – Орлов указал на дверь в лазарет.

– Скоро пропаганда сделает свое дело, и нападения прекратятся. Не может человек не слышать ничего, не видеть и точно при этом стрелять. Надо лишь продержаться. Сутки – двое... – Кровицкого отвлек звук открывающейся двери.

Анисимов вышел из медпункта, насвистывая незнакомую Сергею мелодию. Орлов и Кровицкий повернулись к нему, ожидая рассказа о проведенной операции. Доктор подошел к столу, допил остывающий Сергеев чай и уселся, откинув голову.

– Ну, не томи, Гиппократыч, – Кровицкий присел на край стола напротив врача.

– Выживет наш Мао, надо только в госпиталь его доставить поскорее.

Вздых облегчения вырвался у Орлова сам собой.

– Женечке спасибо, помогла, – Анисимов налил еще чаю. – У вас-то как дела, пехота?

– Работы пока прервали, но к вечеру продолжим, – Кровицкий сказал это с особой интонацией, – нам-то Женечка не помогает...

Орлов удивленно взглянул на капитана и обнаружил, что тот смотрит куда-то в окно. К станции приближалась группа десантников. Один из них баюкал простреленную руку, двое толкали впереди себя одетого в черное аборигена со скован-

ными за спиной руками. Четвертый нес уже знакомую Сергею винтовку.

– Еще один, – зло сказал Орлов и потянулся к кобуре.

– Погоди, – Кровицкий взял его за руку, – сначала расспросим его.

Северо-восток. Месяц назад

– Ничего у парня не выходит, – Макс удовлетворенно потер руки, – треплется уже четвертый месяц, а на всех Дара Внушения не хватает. Вот когда их был миллион, возможность очаровать людей была реальной, а в одиночку ему слабо. Живьем, без Проектора Внушения минимум третьего класса, ему результата не добиться. С каждым надо хотя бы взглядом встретиться и парой слов обменяться. Вот с Проектором была бы красота – подключил к спутнику и на все телевизоры сигнал запустил. Пять минут, и в зоне вещания все твои.

– А зачем ему всех очаровывать? – я смотрел очередной репортаж о Госте. На этот раз из Анкары. – Достаточно познакомиться с политическими и религиозными лидерами, а уж они должным образом настроят свой электорат. По-моему, все логично. А спутники можно отключить или сбить, в крайнем случае.

– У него мало времени, и он не может этого не понимать. Карантин карантин, а попадет очередная шлея под хвост Совету Галактики и снимут блокаду с планеты. Первый же клайрский крейсер разнесет его корыто в щепки, а самого пристукнет там, где обнаружит, – возразил Макс.

– Что говорит Хозяин?

Я пропустил последнюю встречу с курьером, занимаясь обучением спецназа обращению с импульсным оружием. Время поджимало, и по просьбе Шахрина мы работали на износ.

– Ничего конкретного. Он тоже убежден, что одна амфибия целую планету не охмурит, а выдавать наше присутствие здесь ему сильно не хочется. Тем более – Флот расстроится, что опять попал впросак. Шум поднимется, с Хозяина стружку снимут, адмиралы звезд лишатся, половину Совета на пенсию отправят, а нас с тобой вообще затопчут... Короче, никому это не выгодно. Следите, говорит, если надо – можете слегка вмешаться, незаметно только, под хорошей легендой. Есть у нас легенда?

– Подполковник снабдит, если понадобится, – я обернулся к двери, которая распахнулась от мощного толчка, – легок на помине, Игорь Иванович.

– Сто двадцать кило, – ответил Шахрин. – Все, инопланетяне, Гость заговорил по существу.

Мы заинтересованно повернулись к вошедшему разведчику.

– Только что из ООН, – подполковник помахал листком с телексом. – Красавец просит во временное пользование «голубые каски». Причем все, что есть.

– Ну а вы ему, конечно, отказать не можете, – закончил за Шахрина Макс.

– Конечно, нет. Дар у него, знаете ли, убеждать...

– Знаем, знаем.

– Но укомплектовать «каска» специальным образом мы в силах. Проведем предварительный отбор и обработку на Конструкторе. Засунем в ребят блок против Дара, и пусть тогда этот Гость попробует что-нибудь натворить.

– Нет, блок он заметит сразу. Ребят тогда никакие боевые искусства не спасут. Только всплывающая команда, не больше. По сути, это тот же блок против внушения, только обрабатывается он после того, как кто-то скажет кодовое слово или фразу. Внешне человек не отличается от других ничем. На внушение реагирует как и остальные, но в нужный момент он, подчиняясь «всплывшей» команде, словно просыпается.

– Ну, команда, – согласился Шахрин. – Чуть что не так – у половины Русбата всплывет и крышка «жабе».

– А кто определит «не так» что-то или все по-прежнему «так, как надо»? – попытался я остудить пыл разведчика.

– А вот ты, например, и определишь, – подполковник с вызовом взглянул мне в глаза.

– Он наверняка собирается куда-то лететь, как я проберусь на корабль? Блок мой опять же против Дара... впрочем... – я задумался, – что скажешь, Максик?

– Нам приказано следить за кочевником насколько это будет возможно, если не проникнем на корабль – долг не выполним, – убежденно ответил Макс.

– Куда он собрался, не знаешь? – спросил я Шахрина.

– Отчего же не знаю, – загадочно улыбнулся гигант, – на

Грунмар.

Мы с Максом даже подпрыгнули в своих креслах.

– При всем уважении к подготовке войск ООН, я убежден, что взять цитадель клайров одним кораблем просто невозможно, – взорвался я, – это самоубийство!

– Ах, «жаба» противная, отомстить решила, – Макс стукнул кулаком по столу, – всем сразу.

– Что-то здесь не так, – возразил я Макс, – угробить несколько тысяч земных солдат в отместку за гибель миллиона кочевников – мелкогато для амфибий.

– Вообще-то я тоже об этом подумал, – согласился киборг, – но что тогда он задумал?

– Разберемся, – убежденно ответил я и обратился к Шахрину. – Вакансии в Русбате есть?

– Найдем, – Шахрин широко улыбнулся, – для обоих.

Вчера. Двенадцать часов после высадки

Аборигена ввели в комнату и усадили на стул в углу. Он исподлобья смотрел на захватчиков скорее с любопытством, чем со страхом. Немногие из местных жителей видели лица десантников, обычно скрытые тонированными лицевыми щитками шлемов. Орлов хотел начать допрос, но Кровицкий попросил дождаться доктора. Зачем, Сергей не понял, но уступил. Анисимов осмотрел рану пострадавшего десантника и, дав Жене рекомендации, вернулся в штаб.

– Как тебя зовут? – задал вопрос пленнику Кровицкий.

– Андрей.

– Что у них за имена, будто специально придумывают позакovskyристей, – сказал фыркая, Орлов, – Аспринемаль, надо же так назваться!

Анисимов с Кровицким переглянулись, но от комментариев воздержались. Доктор кивнул, и капитан продолжил допрос:

– Ну, и зачем ты убил моих людей, Саид?

Пленник ничего не ответил, зато Орлов издал странный звук и сполз с кресла на пол. Он был смертельно бледен и тяжело дышал. Глаза майора остановились. Казалось, что он

смотрел не на окружающих, а внутрь себя. Анисимов удовлетворенно щелкнул языком и показал Кровицкому большой палец. Пленный удивленно смотрел на офицеров.

– Давай наверх, Палыч, а я подежурю у постели «ново-рожденного». Видеотека на втором этаже. Вставь в Проектор Внушения вместо «жабьего» бреда диск с фильмом и не подпускай к шарманке никого. Там, правда, Волкофф и Смит, но я думаю, это не проблема.

– Я и так все понял, док, чего разжевываешь? – Кровицкий активировал импульсный пистолет и вышел.

Сергей еще не пришел в себя, когда Анисимов приблизился к пленному и, расстегнув наручники, спросил:

– Ты из ОМОНа или военный?

– ГРУ, – сглотнув от волнения слюну, ответил Андрей.

– Шахрина знаешь?

– Мой шеф...

– Проведешь этого парня, когда очухается, к подполковнику и передашь ему привет от Анисимова, понял?

Парень кивнул.

– Пусть отзовет всех своих «охотников» до завтра. Утром можно выходить на стрельбы снова. Только не бейте тех, кто будет разгуливать без шлемов и боевых костюмов. Это свои. Все ясно?

Андрей опять кивнул, но по глазам было видно, что он не понял и половины.

– Грунмар, вот сволочи, что придумали! – Сергей пришел

в себя и сейчас страшно мучился от головной боли, – это они нас тогда на корабле перевоспитали? Когда мы с тобой отказывались заснуть?

– Грунмар на самом деле существует, Сережа, только он является родиной клайров, такой сильной расы, что его не захватить подобным примитивным способом. Жители Грунмара – величайшие бойцы галактики, в тебе сейчас должна проснуться часть их боевых навыков, не ощущаешь?

Сергей пожал плечами.

– Ты должен пробраться к Шахрину. Андрей проводит. Расскажешь ему все, а он решит, что делать дальше. Я постараюсь отключить их проектор...

– Погоди, Алексей, мы все-таки где?

– Ах да, извини. Мы на Земле, майор, твой взвод штурмует Н-ск. Не узнаешь, что ли?

– Брось издеваться, – Сергей подошел к окну и выглянул на прорезанную силовым полем улицу, – черт возьми, но мы же улетели!

– Точно. И в гиперпространстве две недели провисели, а потом вернулись. Это долго объяснять. Предысторию Шахрин тебе поподробнее расскажет, а сейчас двигайтесь, мальчики. Время – деньги.

Кровицкий вышел из лифта на один этаж ниже комнаты, где был установлен Проектор. Волкофф начнет стрелять сразу, стоит прикоснуться к аппарату, без сомнений, особен-

но, если учесть подозрительность обер-лейтенанта. Лазерная винтовка «МПТ» не лучшее оружие в галактике, но весьма эффективное. Рисковать, пытаясь увернуться от ее импульса, было бы глупо. Хотя и смело. Максим открыл окно и выглянул наружу. Высота такая, что можно прыгать с парашютом. Стена гладкая, но не каменная, а металлическая. Это плюс. Капитан встал на подоконник и продвинул ногу по узкому, сантиметра три шириной, бортику, ведущему от окна вправо и влево. Через минуту он полностью покинул помещение, распластавшись по стене снаружи, справа от окна. Осторожно оторвав от гладкой поверхности правую ладонь, он поднял руку вверх и прижал к металлу стены чуть выше. Затем проделал то же левой и медленно подтянулся. Тело Кровицкого скользнуло вверх и словно приклеилось к стене на полметра выше прежнего положения. До окна комнаты на последнем этаже оставалось еще три метра. Сидевший на крыше наблюдатель, не глядя вниз, сплюнул погасшую сигарету, которая пролетела в сантиметре от уха капитана. «Курит на посту, надо будет наряд потом выписать», – пробормотал Максим, подтягиваясь второй раз. Ладони прилипали к стене исправно, а тело скользило почти бесшумно. Вот пальцы нащупали подоконник, а голоса охраняющих Проектор десантников стали отчетливо различимы.

– Дикость какая вокруг, ты взгляни, Гюнтер. И это люди, летающие среди звезд! Неужели на строительство звездолетов ушли все их средства? Ну ничего, мы их перевоспитаем.

Организуем торговлю, туризм, игорный бизнес поставим...

– Наркотики завезем, так, что ли? Нет, капрал, пусть они сами разбираются со своими проблемами. Наше дело навести порядок, и домой. С таким кораблем нам будет чем заняться и без Грунмара. А воспитание у нас хромает не меньше, чем у них.

– Не спорю, – Смит зевнул, – я отойду, не возражаешь?

– Иди, конечно.

Максим дождался, пока шаги удаляющегося капрала затихнут, и рывком забросил свое тело на подоконник. Волкофф не успел развернуться так, чтобы использовать винтовку. Кровицкий нанес немцу сильный удар ребром ладони по шее, и обер-лейтенант рухнул на Проектор. Максим оттолкнул бесчувственное тело в сторону и вынул из кобуры пистолет. Смит вполне мог услышать шум от падения немца. Капитан направил пистолет на входную дверь. Свободной рукой он достал из кармана диск с фильмом и вставил его в проигрыватель. Проектор Внушения Максим отключил самым варварским способом – тремя выстрелами. Аппарат заискрился, из него повалился зеленоватый дым, а по корпусу заплясали язычки пламени. Кровицкий отошел к двери и замер сбоку от входа. Звук торопливых шагов капрала оборвался у порога.

– Волкофф? – позвал Смит, не входя в комнату.

Обер-лейтенант, приходя в сознание, закашлялся. Он поднялся на четвереньки и, не видя ничего сквозь густой

дым, пополз к выходу.

– Кровицкий, – выдохнул он, оказавшись в коридоре.

Смит закрыл «забрало» шлема и включил воздушный фильтр. Волкофф проделал то же самое. Капрал помог ему встать и жестом показал, в какую сторону следует стрелять во время предстоящей атаки. Немец кивнул и приготовился к броску в задымленную комнату.

Смит прыгнул вперед и на лету полоснул из винтовки вправо, на уровне груди. Упав, он перекатился через плечо, врезавшись в горящий Проектор. Последовавший за ним Волкофф отстал от капрала на треть секунды. Он широким веером импульсов прорезал левую половину помещения и отскочил к окну. Ответные вспышки сверкнули не с пола, как ожидали десантники, а откуда-то сверху. С неестественной точностью импульсы взорвали казенные части обеих винтовок, вырвав их при этом из рук солдат.

Дым начал рассеиваться, открывая взгляду растерявшихся десантников прижавшегося спиной к потолку Кровицкого. С законами физики увиденное не стыковалось, но поразмыслить над феноменом им не удалось. Через мгновение Максим легко спрыгнул на пол и, держа противников под прицелом, бросил Смицу наручники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.